ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (2427) Среда, 2 июня 1948 г. Цена 40 коп.

Наука страны социализма

Совет Министров Союза ССР присудил Сталинские премии за выдающиеся работы в области науки, созданные в 1947 году. Высокой награды удостоены научные исследования, научные работы, возникшие в результате вдохновенного труда и смелых исканий. Всенародной славой увенчано творчество передовых советских ученых, подлинных новаторов, поставивших свой талант, знания и опыт на службу народу.

Присуждение Сталинских премий мастерам культуры, пролагающим новые пути, двигающим вперед советскую науку, — радостное событие в жизни нашей страны, где так ценится все передовое, все талантливое. Это—яркое свидетельство могучего роста и развития нашей науки, свидетельство духовной силы социалистического общества.

Общественный строй, созданный в нашей стране, раскрывает такие возможности для расцвета науки, каких не знало доселе человечество. Наука в советском государстве освобождена от власти эгоистических интересов капиталистических заправил, думающих не о благе народа, не о судьбах цивилизации, а о своей наживе.

В странах, где властвует чистоган, алчные дельцы делают науку орудием для осуществления своих захватнических планов. В нашей социалистической стране наука стала верным спутником мирного созидания, она способствует росту производительных сил, под'ему материального благосостояния и культурного уровня народа.

Советский народ гордится тем, что наша Родина дала миру величайших корифеев науки, что русским ученым принадлежит приоритет в крупнейших открытиях, что гениальные труды Попова и Яблочкова, Пирогова и Менделеева, Лобачевского и Зинина, Павлова и Циолковского служат основой научного прогресса человечества и определяют пути развития мировой науки.

Наш народ по праву гордится тем, что за годы советской власти в стране социализма невиданно расцвела наука, достойно продолжающая прекрасные традиции великих русских ученых, умножающая славу отечества, наука, которая «...не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки» (И. Сталин).

Советская наука беззаветно предана интересам своей страны, строящей коммунизм. Наши ученые — активные участники грандиозной стройки, которая после войны широко развернулась на просторах нашей Родины.

Партия, великий Сталин вдохновляют народ на созидательные подвиги. Вместе со всеми советскими людьми наши ученые борются за осуществление большевистской программы восстановления и развития нашего народного хозяйства, за выполнение и перевыполнение послевоенной сталинской пятилетки.

Пятилетний план сам по себе является блистательным примером того, какие широкие возможности для развития научной мысли созданы нашим общественным строем. Социалистическое планирование, основанное на передовой науке, открывает пути для самого широкого применения научных достижений. Этому же способствует участие деятелей науки в решении важнейших вопросов социалистического строительства, сочетание их теоретических исследований с практическим осуществлением научных открытий.

Товарищ Сталин поставил в 1946 году задачу огромного значения — «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Этот призыв вождя был воспринят советскими учеными, как призыв к исполнению патриотического долга.

Присуждение Сталинских премий наглядно показывает, каких успехов достигли советские мастера науки в борьбе за выполнение этой задачи.

Существенная черта выдающихся исследований и трудов, удостоенных высокой награды, — смелое новаторство. Чувство нового, присущее советским людям, ведет наших ученых по пути неутомимых исканий.

Столь же характерна для работ, увенчанных всенародной славой, максимальная приближенность их к задачам, стоящим перед нашей страной. Советской науке чужда отрешенность от жизни, беспочвенность и абстрактность. Активность и действенность научных открытий делают их особенно ценными и близкими каждому советскому человеку.

И замечательное открытие выдающихся советских физиков А. И. Алиханова и А. И. Алиханяна в области космических лучей; и разработанная А. А. Ильюшиным теория упругости и пластичности, уже нашедшая широкое применение в важнейших областях техники; и исследования крупнейшего петрографа В. П. Батурина, имеющие огромное значение для поисков нефти и других полезных ископаемых; и работа профессора С. П. Смелова, имеющая большое значение для улучшения лугов и пастбищ,—все это творческие достижения ученых-патриотов, верных слуг народа. Их помыслы, их кропотливый труд направлены к тому, чтобы Родина была еще богаче и могущественнее, чтобы еще больше приблизилась она к полному торжеству коммунизма.

Замечательный теоретический труд академика Н. А. Вознесенского, показывающий победы социалистической экономики в Великой Отечественной войне советского народа, историко-филологические исследования академиков Б. Д. Грекова и Н. С. Державина, труды Е. Э. Бертельса, В. В. Данилевского и других Сталинских лауреатов 1947 года знаменуют дальнейшее движение нашей науки вперед.

Неизмеримое нравственное превосходство советских людей над людьми, отравленными миазмами капитализма, с огромной силой ощущается в трудах наших ученых.

Весь советский народ от души приветствует новых лауреатов Сталинских премий, заслуживших высокую награду за неустанный и вдохновенный труд. Успехи наших ученых радуют всех патриотов Родины.

Исследователь, проводящий бессонные ночи в лаборатории, и стахановец, совершенствующий методы производства, химик, стремящийся сделать более плодородной почву, и бригадир, выращивающий невиданный урожай в засушливом районе, — в равной мере живут интересами государства. Каждый советский человек — активный строитель коммунизма. Вот почему победы советской науки близки и дороги миллионам. Вот почему присуждение Сталинских премий деятелям науки — праздник для всего народа.

В какой другой стране ученый ощущает такое внимание к своему труду, такую заботу со стороны правительства, такую любовь и признательность простых людей!

Советский народ твердо уверен, что ученые страны социализма добьются новых побед, завоюют новые вершины знания и оставят далеко позади достижения буржуазных ученых. Советские люди уверены в том, что творческая мысль исследователей намного ускорит наше движение вперед, к коммунизму.

Залогом этих новых побед служит то, что нашу страну ведет мудрый вождь, величайший корифей науки — Иосиф Виссарионович Сталин!

Николай ВИРТА

Письмо из Праги

ПОБЕДА ДЕМОКРАТИИ

От специального корреспондента «Литературной газеты»

Я вернулся в Прагу из поездки в Злин и Брно субботним вечером 29 мая. По дороге в столицу, в каждой деревне, на каждой ферме я видел предвыборные плакаты и лозунги; их не так много, но все они выразительны. Каждый хозяин дома счел долгом вывесить национальный флаг Чехословакии; часто рядом с ним висел красный стяг.

Избирательные участки размещены в школах и других общественных зданиях. Они украшены флагами и цветами; в цветах утопают портреты Бенеша и Готвальда.

Прага выглядела в этот вечер очень нарядно.

Для человека, который хочет узнать настроения народа, нет ничего более интересного, как потолкаться среди пестрого люда в вечерние часы. Говорят здесь вполне откровенно, и каждый может примкнуть к группе спорящих, слушать разговор или вступать в него. В этот вечер на улицах говорили, главным образом, о предстоящих выборах, о том, сколько процентов получит список Национального фронта, о его кандидатах.

У одной из витрин на улице Прикопы— центральной улице Праги — собралась толпа. Подойдя к окну, я увидел за стеклом следующее: огромный дракон извивался в глубине витрины. На нем был цилиндр, из пасти торчал «белый бюллетень», а в лапах, обтянутых белыми перчатками, чудовище держало извещение первого гитлеровского протектора Чехии и Моравии — Нейрата, в котором население призывалось под страхом немедленной смертной казни подчиняться распоряжениям фашистских начальников. На хвосте у дракона висел приказ, подписанный палачом Чехословакии Франком: в нем перечислялись фамилии 200 чехов, расстрелянных за сопротивление немцам. Тут же на витрине были разложены сборники документов о преступной деятельности бывших политических заправил Чехословакии — «Черная книга», недавно изданная правительством, уличающая реакционеров и капиталистов в измене родине. Надпись над всей этой картиной гласила: «Вот чего хочет тот, кто бросит в урну белый листок».

Я зашел в редакцию газеты «Праця». У редактора на столе лежали сверстанные полосы номера, посвященного выборам.

После февраля чехословацкие газеты стали куда более содержательными и интересными. Конечно, иным реакционно настроенным обывателям они могут показаться скучными: в них нет скандальных вершковых заголовков, чем особенно отличались в свое время национально-социалистические газеты, нет сплетен, нет антисоветских небылиц. Зато тому читателю, который действительно хочет узнать из газеты нечто полезное и весомое, теперешние газеты нравятся.

Особенно хорошо в последнее время освещает жизнь страны газета компартии «Руде право». Страницы, посвященные жизни рабочих, крестьян, молодежи, женщин во времена первой республики и в послевоенные годы, когда компартия дралась за человеческие права для трудящихся, глубоки по содержанию, легко читаются, обильно иллюстрированы.

Редактор газеты «Праця» показал мне листовку чехословацкой реакции, найденную на площади Вацлава за час до того. Это была узкая полоска бумаги с надписью: «Бойкотируйте выборы 30 мая, если вы не хотите, чтобы разорвалась атомная бомба».

— Это все, что они могли придумать!— отбрасывая листовку, сказал редактор.— Небогатая фантазия: грозить атомной бомбой народу, который перенес многовековое рабство и немецкую оккупацию. Подумайте, до чего докатилась эта нечисть!

Но особенное возмущение народа вызвали подлые поступки изменников, создавших диверсионный «союз чехословаков за границей». На-днях эта банда обратилась со специальным воззванием не больше и не меньше, как к... судетским немцам.

Гитлеровцев в Чехословакии ненавидят. В каждом фашисте чех и словак видят своего исконного врага. А «союз чехословаков за границей» обратился к судетским фашистам с призывом «обеспечить святое право возвращения на общую родину».

Разумеется, Национальный фронт постарался, чтобы прокламация этого союза чешских негодяев стала известна в стране. Теперь изменники, обосновавшиеся в Лондоне, могут мечтать о чем угодно, но путь в Чехословакию для них закрыт навсегда.

30 мая принесло горькое разочарование реакционерам, надеявшимся на «белые бюллетени», на пассивное участие в выборах, которое позволит сделать вывод о нежелании населения страны голосовать за Национальный фронт.

Когда в восемь часов утра я вышел на площадь Вацлава, я был поражен безлюдием и тишиной, царившими на площади и прилегающих улицах.

Дождь, шедший всю ночь, прекратился. Плескались на ветру мокрые флаги. Серые облака плыли над Прагой. По радио передавали музыку, народные песни—чешские и словацкие.

В сердце закралась тревога: где же народ? Почему нет никого на площади, обычно в такой час уже переполненной? Почему так тоскливо пусты проходящие трамваи и автобусы?

Я подошел к полицейскому.

— Где же народ? — спросил я у него.

Полицейский рассмеялся:

— Разве вы не знаете, что сегодня выборы?

— Я знаю, поэтому-то и спрашиваю: почему Прага словно вымерла?

— Народ голосует, — ответил полицейский. — Ему сейчас нечего делать на улицах. Он в избирательных участках...

У меня отлегло на сердце: я почувствовал себя иностранцем, который еще плохо знает характер молчаливых, скромных, но мужественных и твердых чехов и словаков. Я попросил полицейского проводить меня до ближайшего избирательного участка. Он оказался рядом, близ Иерусалимской улицы. Я поблагодарил моего провожатого и стал в громадную очередь избирателей.

Передо мной стоял железнодорожник, русин с Карпат. Он только что прибыл в Прагу и, получив на вокзале бюллетени, пришел голосовать. Оказалось, что этот человек воевал с немцами, был парашютистом. Он приоткрыл плащ и показал на ряд орденских ленточек.

— Как вы думаете, — спросил он меня, — нельзя ли эту гадость, — он показал на «белый бюллетень», — выкинуть прямо здесь?

— Мне кажется, что это будет неправильно, — ответил я. — Положите его туда, куда вы найдете нужным, но в комнате, где происходят выборы.

Я просидел в помещении избирательного участка № 65 больше часа. Я видел, как некоторые избиратели демонстративно, на виду у всех, комкали и бросали «белые бюллетени» в корзины; так сделал и мой карпатский железнодорожник. Однако, таких было немного: 95 процентов избирателей шли с бюллетенями в кабину и там втайне от всех исполняли долг своей совести.

В 11 часов радио уже передало первые сообщения об итогах выборов в отдельных городах и селах. В некоторых местностях голосование было окончено уже через 15 минут после открытия избирательных участков. Судя по сообщениям, явка была очень высокой—явление, из ряда вон выходящее даже для Чехословакии, где народ любит политику.

К 12 часам дня улицы столицы приняли нормальный вид — они вновь заполнились густыми людскими толпами. Радио передавало новые и новые сообщения о выборах. На щитах, выставленных на улицах, наклеивались сводки поданных голосов за Национальный фронт. Цифры непрерывно менялись, все возрастая.

Сегодня об'явлены итоги выборов. 89 процентов избирателей Чехословакии отдали свои голоса единому списку Национального фронта. Так чехословацкий народ выиграл и эту битву за свое счастье и свободу. Возврата к старому не будет. Чехословакия идет вперед!

ПРАГА, 1 июня.

К столетию со дня смерти В. Г. Белинского

Выставки на Украине

КИЕВ. (Наш корр.). Большой популярностью в столице Украины пользуется недавно открытая в библиотеке Академии наук УССР выставка, посвященная 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.

6 разделов выставки широко раскрывают перед современниками образ гениального критика, революционера-демократа. Любовно и тщательно подобраны материалы последнего раздела, посвященные пребыванию В. Г. Белинского на Украине, его мыслям о творчестве украинских писателей. Вот что, например, пишет Белинский по поводу повести «Маруся» Г. Основьяненко:

«Кроме Наума, Маруси, Василя и Насти, в повести «Маруся» есть еще герой— и герой первый, который важнее и Наума, и Василя, и Насти, и самой Маруси: это Малороссия, с ее поэтическою природою, с ее поэтическою жизнью простого народа, с ее поэтическими обычаями».

В этом же разделе экспонированы высказывания классиков украинской литературы, полные глубокого уважения к выдающемуся сыну русского народа В. Белинскому.

Большая выставка памяти гениального критика открылась и в библиотеке имени Горького. В ней представлены литературные произведения Белинского и его современников.

Журналы о великом критике

«Сто лет назад, в ночь на 7 июня 1848 года, в Петербурге умирал от мучительной болезни самый великий человек России того времени... властитель дум своего поколения Виссарион Григорьевич Белинский».

Так начинается редакционная статья «Белинский и современность», которой открывается июньская книга журнала «Новый мир». В статье говорится о том, что передовая эстетика Белинского во многом близка советским писателям, на долю которых выпало великое счастье находить, как мечтал Белинский, «свои идеалы вокруг себя».

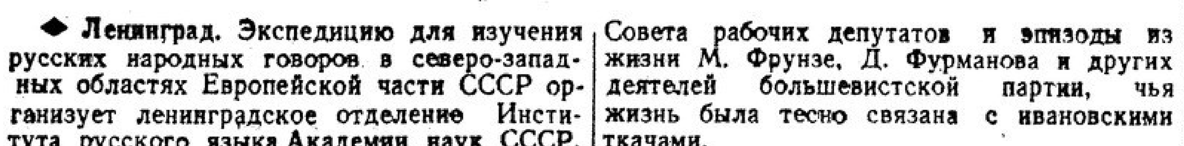
В журнале напечатан также краткий обзор высказываний Ленина о наследии Белинского. В статье А. Лаврецкого «Белинский о буржуазном Западе», публикуемой в этом же номере, автор раскрывает взгляды великого критика на «культуру» капиталистического Запада, где, по словам Белинского, «об'ем гения, таланта, учености, красоты, добродетели, а следовательно, и успеха» измеряется «одною мерою, которая условливает собою и заключает в себе все другие: это — деньги».

Патриотизму Белинского посвящена статья И. Альтмана, печатающаяся в июньской книге журнала «Знамя». На анализе ряда критических статей, личной переписки и отдельных высказываний Белинского И. Альтман показывает, что движущей силой литературно-общественной деятельности великого критика был его революционный патриотизм, борьба против самодержавно-крепостнического строя, отстаивание интересов народа.

«Белинский — теоретик и организатор реалистического направления» — такова тема статьи Н. Мордовченко. Читатель знакомится здесь с деятельностью Белинского-критика, возглавившего так называемую натуральную школу.

В «Знамени» публикуется также справка Н. Мацуева «Последний год жизни Белинского».

В номере шестом журнала «Октябрь» печатается статья В. Кирпотина «Виссарион Григорьевич Белинский» (очерк жизни и творчества).

По Советскому Союзу

Хроника культурной жизни

◆ **Ленинград.** Экспедицию для изучения русских народных говоров в северо-западных областях Европейской части СССР организует ленинградское отделение Института русского языка Академии наук СССР. В экспедиции примут участие преподаватели, аспиранты и студенты ленинградских, псковских и новгородских педагогических и учительских институтов.

◆ **Таллин.** Вышел из печати первый номер литературного альманаха «Эстония» об'емом в 28 печатных листов. В альманахе напечатаны произведения писателей Эстонской ССР, Ленинграда и моряков Балтийского флота.

◆ **Харьков.** В залах Музея украинского искусства открылась юбилейная выставка картин украинских художников. На выставке экспонируются 700 работ — живопись, графика, скульптура.

◆ **Иваново.** По инициативе областного комитета ВКП(б) ивановские писатели подготовили сборник рассказов о старых большевиках города. Рассказы воскрешают историю г. Иваново — родины первого в мире Совета рабочих депутатов и эпизоды из жизни М. Фрунзе, Д. Фурманова и других деятелей большевистской партии, чья жизнь была тесно связана с ивановскими ткачами.

◆ **Свердловск.** Свердловское государственное издательство выпускает 12-томное собрание сочинений Мамина-Сибиряка. В собрание войдут впервые публикуемые роман «Семья Бахаревых», первая редакция «Приваловских миллионов», статьи о положении рабочего и ремесленного люда Урала и переписка Мамина-Сибиряка, насчитывающая более тысячи писем.

Окончание издания приурочивается к столетию со дня рождения писателя, исполняющемуся в 1952 году. Первый том уже вышел из печати.

◆ Серию монографий «Колхозы нашей страны» начал издавать Сельхозгиз. Первую монографию «Как колхоз «Борец» стал передовым социалистическим хозяйством» написал председатель сельхозартели Герой Социалистического Труда П. Ажирков.

Лауреаты Сталинской премии первой степени: академик Абрам Исаакович АЛИХАНОВ (слева) и действительный член Академии наук Армянской ССР Артемий Исаакович АЛИХАНЯН.

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

ОТКРЫТИЕ

Об открытии, сделанном действительным членом Академии наук Армянской ССР А. И. Алиханяном и академиком А. И. Алихановым, нельзя говорить только как об «еще одной» отличной работе в области физики атома. Наименее увлекающиеся исследователи видят в этом открытии начало новой эпохи в развитии наших воззрений на строение вещества, на природу в целом.

Происхождение «космических лучей», над изучением которых из года в год работает высотная экспедиция Института физических проблем Академии наук СССР и Физического института Академии наук Армянской ССР, возглавляемая А. И. Алиханяном, остается до сего времени загадкой. В каких-то неизвестных нам ядерных катаклизмах Вселенной рождаются потоки частиц, наделенных чудовищной энергией движения. Они врезаются в толщу земной атмосферы и дробят ядра атомов воздуха, с которыми сталкиваются. Разлетающиеся осколки, в свою очередь, вызывают преобразования встречных ядер. В результате на землю проливается как бы «ливень» вторичных излучений. Наблюдения над преобразованиями материи, происходящими под действием космических лучей, и опыты искусственного расщепления ядер атомов позволили узнать многие основные элементы, из которых состоит окружающий нас мир, и выяснить соотношения между ними.

Основными частицами являются прежде всего легкие частицы — электрон и позитрон (положительный электрон) — и тяжелые — протон и нейтрон. В 1937 году в космических лучах были открыты новые частицы — мезотроны, масса которых меньше массы протона, но больше электрона. Частицы эти неустойчивы и распадаются за две миллионных доли секунды. До последнего времени считалось, что мезотроны существуют в одной разновидности. Открытие братьев Алихановых вдруг резко изменило это представление о строении вещества.

Впрочем, это произошло далеко не «вдруг». «Внезапному озарению», которое так любили описывать, говоря о науке, романисты прошлого, принадлежит здесь очень скромное место. Знакомясь с подробностями нового успешного рейда советских исследователей в область неведомого, восхищаешься прежде всего целеустремленностью их поисков, умной простотой и могуществом технических средств, служивших этим исканиям.

История этого открытия представляет собой увлекательнейшую повесть, и то, что она до сих пор не написана, лишний раз напоминает об изобилии неиспользованных тем, которые таит в себе современная наука.

Фоном для завязки этой ненаписанной повести служат героические будни военных лет. В то время, когда гитлеровские орды докатились до предгорий Кавказа, из Казани в Армению отправилась экспедиция по изучению космических лучей. Когда основные работы экспедиции были закончены, угроза немецкого нашествия на Кавказ была уже развеяна, но исследователям предстояло выдержать войну с природой. В горах образовались трудно проходимые завалы. Через них нужно было пробираться, неся на руках «второе зрение» исследователя — драгоценные приборы.

* * *

Прекрасны, как произведения искусства, совершенные «камеры туманов», в которых исследователи заставляют невидимые космические частицы капельками воды прочерчивать след своего полета. Миниатюрные счетчики откликаются щелчками обыкновеннейшего телефона на прохождение сквозь них каждой отдельной частицы, как бы она мала ни была.

Все эти приборы среди камней горы Алагез, установленные на высоте 3.280 метров над уровнем моря, давали иные показания, чем в долине, куда космические лучи приходили уже более рассеянными, заторможенными, преобразованными прохождением сквозь трехкилометровую толщу атмосферы. Из сопоставления показаний приборов на равнине и на высоте возник первый намек на существование неизвестной компоненты космического излучения.

— Все это выглядит очень романтично и увлекательно, — рассказывал А. И. Алиханов два года спустя, имея в виду условия опытов в «ядерной лаборатории» атмосферы,—но эти преимущества работы сопровождаются такой дозой трудностей из-за чувствительности приборов к внешним условиям, непрерывно меняющимся, что лаборатория в институте, в которой к вашим услугам все: электрический ток, газ, мастерские, где ураган не грозит сорвать палатку и унести ее со всеми приборами под гору, где снег только за толстыми стенами и двойными рамами,—кажется сущим раем.

Однако на следующий год экспедиция снова карабкалась на гору и через год снова. Очередная пауза зимы пролетала, как миг. Нужно было налаживать, проверять все новые и новые приборы, о которых тот же Алиханов как-то хорошо сказал, что они просты только в описании.

* * *

Исследователь беспощаден к самому себе и к результатам своей работы. Ему хочется принять их тотчас же, всей душой, как только они получены. Но он усилием воли заставляет себя относиться к ним с недоверием. Он подвергает добытую в труде истину множеству испытаний, пока она не предстанет перед ним во всей неопровержимости...

И вот, наконец, в результате обработки километровой длины кинопленок, из десятков тысяч отдельных измерений появился непререкаемый, поражающий воображение, революционизирующий науку об атоме ряд выводов.

Кроме известных элементарных частиц с массой в 200 масс электрона (именуемых мезотронами), были открыты элементарные частицы с массами в 100, 150, 250, 350, 420, 550, 620, 840, 1.000, 1.300, 2.500, 8.000 и 20.000 масс электрона. Оказывается, в природе существует целая серия элементарных частиц — своего рода периодическая система.

Поразителен тот факт, что более тяжелые из этих элементарных частиц — варитронов—превращаются в более легкие самопроизвольно, как радиоактивные элементы превращаются в другие, более легкие элементы.

Для того чтобы дать представление о сложности пути, который привел к этим итогам, мы опишем только одно звено решающего опыта, придавшего исчерпывающую достоверность наблюдениям исследователей. Им нужно было зафиксировать не момент «взрыва» отдельного атомного ядра под действием космических лучей. Они стремились не просто отметить попадание в счетчик той или иной космической частицы. Им необходимо было определить ее качество, ее природу. Для этого надо было суметь проследить за частицей в большом пространстве.

На частицу, влетающую в прибор Алихановых, воздействует сильное магнитное поле. Оно заставляет ее отклоняться от первоначального пути. Энергию движения частицы в этом приборе определяют, испытывая ее «пробивную силу». На пути частицы ставится пластинка, которую она должна «прострелить». Результаты измерения силы «прострела» пластинки и величины отклонения частицы магнитным полем сопоставляются, и отсюда точно выводится величина скорости частицы.

Но как же проследить за полетом частицы в приборе при всех ее испытаниях? Для этого был создан своеобразный многоэтажный счетчик, состоящий из множества отдельных счетчиков-ячеек. Он последовательно отмечает прохождение частицы через прибор на всем ее пути. Такой прибор, изящный по замыслу, в техническом оформлении представляет собой, разумеется, сложнейшую регистрационную станцию, для регулировки и управления которой требуется большое экспериментальное мастерство.

Этому мастерству точно задуманного, изобретательно и остроумно выполненного эксперимента у А. И. Алиханова и А. И. Алиханяна учится молодежь. На работе в экспедиции выросли талантливые физики, как С. Я. Никитин и А. О. Вайсенберг.

Основные итоги многолетнего труда наших исследователей над изучением космических лучей опубликованы*. Открытие «варитронов» вошло в мировую науку как крупнейший вклад советских ученых. Уже поступают сведения о многочисленных подтверждениях этого открытия, полученных зарубежными исследователями.

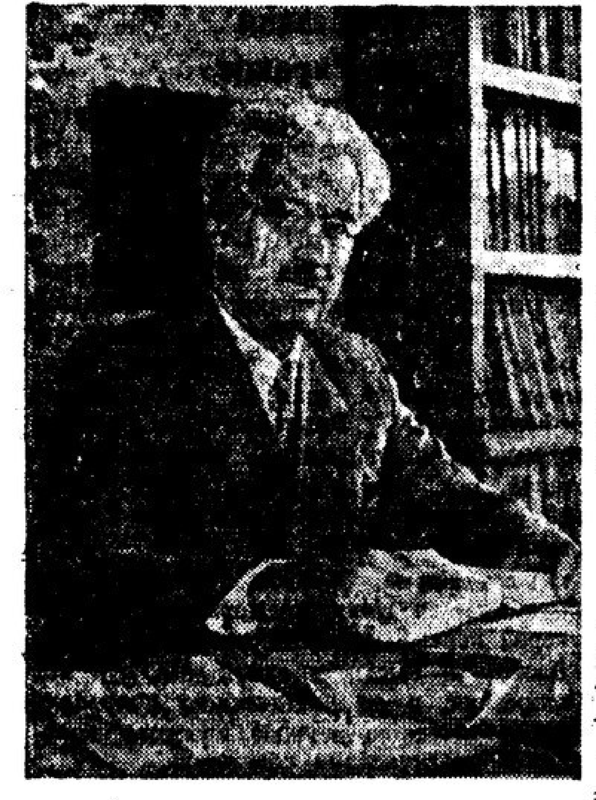
Для нравов современных буржуазных ученых характерно, что, комментируя новые события в физике атома, они уклоняются от упоминания первоисточника: работ А. И. Алиханяна и А. И. Алиханова. Мы имеем в виду не только популярные обзоры, вроде того, который недавно появился в «Британском союзнике». Речь идет о серьезных научных публикациях британских физиков Поуэлла, Оккиалини и других в журнале «Nature», где вопреки международной традиции отсутствуют ссылки на приоритетные работы советских ученых, сделанные годом раньше. Можно ли найти более яркое и наглядное опровержение тезиса о «надклассовости» науки, чем сознательное игнорирование советских ученых только потому, что они советские ученые!..

Что касается великолепных работ А. И. Алиханяна и А. И. Алиханова, то они не нуждаются в чьем-либо дополнительном признании. Они войдут в руководства по физике, как фундаментальные исследования, ознаменовавшие наступление нового этапа в науке об атоме.

* Первая публикация о варитронах относится к декабрю 1946 г. в «Докладах Академии наук Армянской ССР» № 5, «Джорнал оф физикс» (издание Академии наук СССР), январь 1947 г. и последующие публикации в ноябре 1947 года в «Докладах Академии наук СССР».

С. ГОЛУБОВ

Путь славных

Лауреат Сталинской премии первой степени академик Борис Дмитриевич ГРЕКОВ.

Борис Дмитриевич Греков сдал экзамен на степень магистра русской истории еще в 1910 году. В основе его обширнейших познаний лежат факты отечественной истории, когда-то собранные и по-своему истолкованные буржуазной наукой. Но историк Греков — ученый прогрессивно направленного мышления; с первых лет своей научной деятельности он смело шел по пути раскрытия новых фактов и переосмысливания старых. Свежесть, новизна его концепций радует нас и сейчас. Завершенный и изданный им в конце 1946 года труд «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» — первый монументальный труд, посвященный истории производителей материальных благ русского общества. За этот труд Б. Д. Греков удостоен Сталинской премии первой степени.

* * *

Когда молодой Греков взялся за нелегкий труд историка, русская буржуазная историческая наука переживала острейший кризис. Преобладала эклектика, отрицалась закономерность исторического развития, все попытки создать методологию истории проваливались одна за другой. Именно в это время Ленин указал исторической науке на единственно правильный методологический фундамент — на марксистское учение об истории общества. Советская историческая наука, одним из ярких представителей которой является Б. Д. Греков, основывается именно на этом фундаменте. А сталинские определения главных особенностей каждой из пяти общественно-экономических формаций служат краеугольным камнем в исследовательских построениях каждого историка. Ныне все вопросы истории — и новые и старые — разрабатываются только посредством конкретного исследования социально-экономических путей развития человеческого общества.

Но не сразу наши историки овладели оружием марксистско-ленинской методологии. Это был долгий и трудный процесс, не завершенный и в наши дни.

* * *

Круг постоянных научных интересов издавна уже подводил Б. Д. Грекова к крестьянской теме.

В 1932 году получила широкую известность его теория о происхождении общественно-политического устройства Киевской Руси. Греков утверждал, что на смену первобытной славянской общине пришел непосредственно феодализм; промежуточного звена в виде рабовладельческого общества в Киевской Руси не существовало. Образование феодальных отношений он по мере углубления своих исследований относил ко все более и более ранним временам. Благодаря работам Грекова оказалась установленной периодизация в истории крестьянской зависимости на Руси: выяснились политические и экономические условия, сделавшие неизбежным закрепощение крестьян; определились характер и формы вмешательства в этот сложный процесс государственной власти.

К началу 40-х годов относится его борьба с норманистами в вопросе о возникновении славянских государств. Он доказывал, что эти государства, включая и Киевскую Русь, возникли не в результате какого-нибудь внешнего воздействия, а исключительно вследствие образования классового общества. Не менее важную роль сыграла публикация под редакцией Грекова древнейшего из наших отечественных летописных памятников — «Русской Правды». Этим памятником интересуются во всех странах мира. В России «Русскую Правду» изучают с XVIII века. Но разночтения в текстах чрезвычайно мешали успеху этих работ. Под руководством Б. Д. Грекова были собраны и классифицированы 96 текстов «Русской Правды», и великий памятник нашего прошлого стал впервые ясен и доступен для исследований.

Б. Д. Греков раскрыл и правильно охарактеризовал положение Киевского государства в ряду других государств Западной Европы, определил социальные и культурные связи и отношения между славянским Востоком и европейским Западом. Наконец, он высказал убеждение, что появлению Киевского государства предшествовало существование в Приднепровье иных государственных образований, и, следовательно, оно возникло вовсе не по мановению варяжской руки.

Одним из ходовых тезисов буржуазной русской историографии было утверждение, что русский крестьянин был свободен до XVI века; считалось, что закрепощение крестьян началось лишь в XVI веке в связи с отменой Юрьева дня. «Свобода» русского крестьянина считалась особенностью исторического развития русского общества.

Ленин же предполагал, что крепостное право в России существовало еще с IX века и что русский крестьянин вступил на путь закрепощения еще со времен «Русской Правды». Эти гениальные проникновения полностью подтвердились в научных изысканиях Грекова. Он со всей безусловностью обнаружил возникновение крепостного права на Руси еще в эпоху Киевского государства, во времена «Русской Правды». Громадная заслуга нашего славного ученого в том, что он создал новую правильную концепцию развития русского крепостного права.

В 1946 году концепция развития русского крестьянства Б. Д. Грекова получила всестороннее и совершенно законченное выражение в обширном труде: «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века». Кроме первоклассного общенаучного значения, эта последняя работа Грекова раскрывает множество вопросов прикладного исторического плана, затемненных не без цели старой русской историографией. Ученые 60-х годов доказывали, например, что русские крестьяне никогда не владели землей. А Греков установил, что крестьяне владели землей еще в древней общине и уже потом, вместе со своей землей, попали в крепость к феодалу. Некоторые из старых историков пытались доказать, что государство не принимало никакого участия в закрепощении крестьянства. Погодин, к примеру, находил, что характер русского народа — единственная причина его исторического несчастья. Ключевский видел эту причину в задолженности крестьян помещикам. Греков же установил, что закрепощение со всей несомненностью состоялось в интересах дворянско-помещичьего государства.

Когда-то Ключевский утверждал, будто, сидя на киевском черноземе, русские не интересовались сельским хозяйством, а когда пришлось им сесть на владимиро-суздальский суглинок, занялись хлебопашеством. Парадокс этот, по глубокому убеждению Грекова, далек от исторической правды. Греков убедительно доказывает тезис о земледелии, как основной отрасли производства древней Руси, и с совершенной бесспорностью говорит о том, что, где бы ни появлялись русские крестьяне, они приносили с собой земледельческую культуру и кровный интерес к хлебопашеству.

В «Крестьянах на Руси» рассмотрены эпохи под'ема и развития крепостного хозяйства до XVII века. Второй том «Крестьян на Руси» покажет историю падения крепостного права. Над созданием этого тома Б. Д. Греков намерен работать совместно с рядом других ученых.

* * *

... Высокий, стройный человек с мягкой и тонкой улыбкой, с молодыми глазами под шапкой пушистых седых волос, строит множество планов. Его творческие расчеты глубоки и содержательны. И, слушая тихую, уверенную речь Б. Д. Грекова, горячо желаешь, чтобы все эти планы были как можно полнее осуществлены.

Слово хозяина

из редакционной почты

ОТ ИМЕНИ СЕМИКЛАССНИКОВ

— В школах начались выпускные экзамены, — пишет Николай Игрунов, ученик 7-го класса ливенской средней школы. — Я решил проверить, что же я знаю по истории моей Родины? Оказывается, серьезных знаний у меня нет. Курс истории СССР мы закончили еще в 4-м классе, а три последующих года изучали «Историю древнего мира» и «Историю средних веков». А ведь многие товарищи, окончив 7 классов, идут на работу. Уходя из школы, они гораздо больше знают о чужих странах, чем о своей Родине, где им предстоит жить и творить.

Нельзя ли Министерству просвещения РСФСР построить учебную программу так, чтобы, окончив 7 классов, учащийся имел последовательные знания об истории своей страны?

ОТКРОЙТЕ ПАМЯТНИК!

В 1946 году в Вязьме, — пишет учитель А. Скоробогатов, — состоялось торжественное открытие памятника герою Отечественной войны генералу Ефремову, павшему смертью храбрых в боях за наш город.

Трудящиеся Вязьмы, собравшиеся на открытие памятника, увидели чудесное бронзовое изваяние работы лауреата Сталинской премии Вучетича. Прошло два года. Изменилась Вязьма, немножко отстроилась, похорошела, но попрежнему стоит в окружении развалин памятник генералу Ефремову. Три большие груды кирпичей закрывают памятник со стороны Базарной площади, а с востока он закрыт остатками разрушенной немцами церкви, которую начали было разбирать, да так и не разобрали. Душа не мирится с таким безобразием. Неужели городской совет, общественность города не в состоянии привести площадь в порядок!

К ЧЕМУ «ХУТОРА» В СТОЛИЦЕ

Москва расширяется и строится. Это радует миллионы людей, которые хотят видеть свою столицу самым красивым и благоустроенным городом мира. Но практика застройки отдельных районов Москвы и ее пригородов беспокоит многих москвичей.

Некоторые строительные участки в Шереметьевском поселке, по мнению читателя «Литературной газеты» тов. Г. А. Александрова, напоминают хутора, построенные тесно, криво, без всякого плана. Ни удобства, ни красоты!

Строятся «хутора» чаще всего в пригородных лесах и рощах. Владельцы участков вырубают деревья, и зеленые массивы все дальше уходят от Москвы. В 1933 году граница леса была у станции Хлебниково, сейчас она отодвинулась за Шереметьевскую.

— Не лучше ли, — спрашивает тов. Александров, — в первую очередь застраивать поля и пустыри и сохранить леса и рощи — зеленый пояс столицы?

Посетители редакции рассказывают

Незаслуженная обида

В редакцию «Литературной газеты» пришла старая женщина Анна Федоровна Шехонина, жительница города Торжка, Калининской области.

С любовью и гордостью показывала она пожелтевшие от времени письма и полустертые на сгибах газеты.

Вот бережно хранящееся письмо лейтенанта Василия Остроумова. Он писал Анне Федоровне с фронта: «Когда мне будет тяжело, я вспомню о вас, и это придаст мне силы; когда я пойду в бой, я вспомню ваши слова: «Бейте немцев», и это придаст мне ярость, враг не увидит пощады».

Как высшую награду, сохраняет Анна Федоровна первомайский «Боевой листок», выпущенный бойцами подшефного госпиталя и целиком посвященный ей, скромной советской патриотке, матери, потерявшей двух сыновей в боях за Родину.

Есть и другие документы, рисующие нам облик тов. Шехониной. Это статьи в областной калининской газете и в местной — «Знамя ударника». Они рассказывают о делах этой 76-летней женщины.

С первых же лет советской власти Анна Федоровна стала общественницей. Начинала она с комитетов бедноты. Последние годы работала председателем уличного комитета на ул. Кирова в Торжке.

После освобождения Торжка тов. Шехонина — инициатор добровольного участия домашних хозяек в восстановлении города. Домохозяйки озеленили улицы города, восстановили сквер имени Кирова.

За эти свои дела Анна Федоровна была награждена почетной грамотой горсовета и горкома ВКП(б) и первой из участниц восстановления города занесена в Книгу почета.

Но что же привело Анну Федоровну в «Литературную газету»?

Большая, незаслуженная обида! На-днях Анна Федоровна была единогласно переизбрана в новый состав уличного комитета. Комитет столь же единодушно вновь избрал ее своим председателем.

Но секретарь исполкома горсовета тов. Никольский вмешался в выборы и, используя свою власть, не утвердил тов. Шехонину председателем уличного комитета.

Мы не знаем, какие соображения руководили тов. Никольским. Но мы знаем, что глубоко права Анна Федоровна: «Дело мое хоть и небольшой важности, но обижать патриотов-стариков не к лицу горсовету г. Торжка».

Со своей стороны, мы хотели бы задать один вопрос: кто дал вам право, тов. Никольский, попирать советскую демократию и своей властью отменять результаты законно проведенных выборов?

Г. ЕФИМОВ

РАВНОДУШИЕ

1.

Свыше пятисот зданий будет в течение двух лет построено для школ трудовых резервов.

Мы хотим, чтобы наши ремесленники и фабзайчата любовно вспоминали светлую пору ученья, родную школу, ее классы, мастерские, библиотеки.

12 типовых проектов разработал Комитет по делам архитектуры. Различны у них фасадные украшения, но схожи они в одном: они пронизаны казарменным духом.

По уставу, в спальни учащиеся допускаются только поздно вечером, перед сном. Где же юноши и девушки будут проводить свободные часы? Библиотека вмещает по проекту человек 40, физкультурный зал еще меньше. Куда же деваться остальным?

Можно ли без дополнительных капитальных затрат иначе организовать быт, учебу и досуг молодежи из школ трудовых резервов? На этот вопрос сотрудники Академии архитектуры отвечают: да, можно! Архитектор Г. Р. Нидеккер полтора года вела исследовательскую работу в этой области и разработала эскизный проект. По этому проекту каждая группа учеников, примерно, в 25 человек, располагается в отдельной секции, где, кроме спальных комнат и бытовых помещений, имеется гостиная.

Эти комнаты-гостиные не требуют увеличения здания и дополнительных средств, они легко выкраиваются из той же кубатуры за счет проходов и коридоров.

В спальных комнатах при этом будут жить не по 25 человек, как намечено другими проектами, а по 4—8.

Проект, разработанный Академией архитектуры, имеет много приверженцев, педагоги его одобряют. И, тем не менее, здания для школ трудовых резервов строятся пока по казенному типу.

Отдел капитального строительства Министерства трудовых резервов и его начальник тов. Роботов в принципе за новый проект Академии архитектуры. Полгода назад тов. Роботов даже собрал техническое совещание, на котором был утвержден эскизный проект тов. Нидеккер. Теперь осталось лишь составить технический проект и рабочие чертежи. Но тут возникает вопрос: кто должен составить этот технический проект? Роботов считает, что им должен заняться Комитет по делам архитектуры.

Начальник главка Комитета по делам архитектуры тов. Васильев убежден, что это дело Министерства трудовых резервов. А время идет. На десятках строительных площадок роют котлованы, закладывают фундаменты, воздвигают стены.

Так дельное и разумное предложение не может пробиться вперед — на его пути стоят равнодушные люди.

2.

Писатель Замойский познакомился недавно с группой советских изобретателей, разработавших метод изготовления из соломы, камыша и древесных отходов нового вида кровельного материала, который они назвали «бемит». Писатель рассказал в «Литературной газете» об этом интересном изобретении.

В тот же день в редакцию пришел тов. Хазов, житель маленького городка Климова, Брянской области. Он специально приехал в Москву, чтобы достать кровельные материалы, и в газетной витрине прочитал статью о «бемите».

Затем начался поток писем в редакцию. Новым кровельным материалом заинтересовались правление артели «Древостружка» в Казани и председатель Госплана Молдавской ССР тов. Черемисин, агроном из села Сеятель Ростовской области тов. Мальцев и Министерство сельского хозяйства Таджикской ССР.

Редакция порекомендовала изобретателям написать небольшую брошюру о технологии изготовления «бемита».

Первый телефонный разговор состоялся с директором Сельхозгиза т. Абросимовым:

— Мы хотим вас заинтересовать проблемой «бемита».

— В первый раз слышу о нем.

— Об этом недавно писал писатель Замойский.

— Понятия не имею. А в чем там дело?

Выслушав рассказ о свойствах нового материала, о том, что его изготовлением может заняться каждый колхоз, тов. Абросимов недовольно ответил:

— Так это о стройматериалах речь? Пусть Промстройиздат издает.

— Но ведь солома имеется в колхозах, в кровле нуждаются колхозы и колхозники, «бемит» будут изготовлять колхозы.

— Если вы уж так настаиваете, пусть изобретатели зайдут ко мне.

Изобретатели пришли к Абросимову в назначенный час, — его не оказалось на месте. На другой день он был чем-то занят. Через неделю, наконец, их принял работник издательства, который предложил подать заявление и составить план брошюры. Заявление будет со временем рассматриваться, обсуждаться...

Директор Промстройиздата тов. Муселян был удивлен звонком из редакции не менее своего коллеги из Сельхозгиза:

— Статью «Под новой кровлей», говорите? Не читал. А в чем там дело?

На следующий день позвонил заместитель тов. Муселяна и сообщил, что по распоряжению своего начальника он статью прочел и советует связаться с начальником Главкровли тов. Мальцевым. Может, он согласится на издание брошюры.

Нас уже не очень удивило, что в «Главкровле» тоже не читали о кровельных материалах. Тов. Мальцев также поручил «ознакомиться» своему заместителю.

Мы все это рассказали вовсе не для того, чтобы сообщить общеизвестную истину о пользе чтения газет. Эту пользу давно осознали миллионы советских людей. Статью П. Замойского, например, читали в самых отдаленных уголках страны. Теперь читатели добиваются чертежей, описания технологического процесса. «Странным кажется обращаться за таким советом к «Литературной газете», — пишет председатель Мелитопольского райплана тов. Кель, — но что поделаешь, если организации, которые должны были двинуть это важное изобретение на село, бездействуют».

* * *

Мы не беремся утверждать, что тт. Роботов, Васильев, Абросимов и Муселян — неисполнительные работники. Можно допустить, что если бы министр трудовых резервов тов. Пронин и председатель Комитета по делам архитектуры тов. Симонов приказали, то проекты школы с секционным размещением учащихся были бы готовы в самый короткий срок. Уже в этом году здания строились бы по этим новым проектам.

Если бы министр сельского хозяйства тов. Бенедиктов или министр промышленности строительных материалов тов. Гинзбург распорядились, то, возможно, изобретатели в течение часа были бы доставлены в издательство, через неделю рукопись была бы направлена в набор, а еще через неделю брошюру изучали бы в райпромкомбинатах и колхозах. Сколько тысяч домов встретили бы осеннюю непогоду под крепкой и надежной крышей! Но министры пока такой приказ не отдали...

Исполнительность — достоинство очень большое в каждом человеке, тем более в руководителе. Но быть только исполнителем — слишком мало для того, чтобы занимать руководящий пост в советском государственном аппарате. Есть дела, которые могут быть разрешены только в правительственных инстанциях, решения по этим делам должны принимать министры. Существуют, однако, сотни и тысячи дел, которые должны решаться и доводиться до конца в среднем звене нашего государственного аппарата. Но лишь те руководители и работники наших учреждений, которые обладают драгоценным чувством нового, чувством большевистской ответственности за свои действия и поступки, люди, проникнутые духом творчества и инициативы, могут справиться с этой задачей.

Кроме приказов сверху, приказов писанных, столь же обязательны к безоговорочному исполнению приказы сердца, бьющегося в лад с народом, сердца, чувствующего все передовое и новое, что рождается в народе.

А. МОРОЗОВ

Тайны обломков

Время можно мерить множеством способов: электрической искрой, отмечающей миллионные доли секунды, годовыми кольцами в стволах деревьев. Для геолога «часами» служит толща Земли с ее слоями горных пород, минералами, ископаемыми растениями и животными. В таком измерении миллион лет — небольшой промежуток времени, за который лицо Земли успевает измениться сравнительно мало. Побеждая тьму тысячелетий, скрывающую далекое прошлое, палеогеография восстанавливает «черты» нашей планеты, никогда не виданные человеком. Ученые как будто становятся очевидцами грандиозных событий, происходивших в лаборатории природы миллионы лет назад. И это помогает определять, где в недрах Земли таятся бесценные сокровища.

«Путешествие» в страны, где текли Палеоволга, Палеосамур, где в тихих лагунах тонули упавшие листья гигантских растений, где гибли чудовищные пресмыкающиеся и насекомые, где попеременно суша и море атаковали друг друга, — очень нелегкое дело. Особенно, если надо добыть вполне конкретные данные, важные для теории и практики.

Профессор В. П. Батурин составил подробнейшие и ценнейшие «лоции» для научных разведчиков в странах геологического прошлого. Труд его, получивший Сталинскую премию первой степени и имеющий огромное значение для разведки полезных ископаемых, носит ничего не говорящее непосвященному человеку название: «Петрографический анализ геологического прошлого по терригенным компонентам». Романтика научного подвига для неспециалиста зашифрована непонятными словами. В этой блестящей книге автор приводит изречение Гераклита — «Все течет, все изменяется». Умирают и рождаются бесчисленные живые существа, высыхают моря и реки, в пыль превращаются высокие скалы. Ветер и вода подхватывают обломки камней и уносят их в места, где условия благоприятствуют временному отдыху минералов-странников. Здесь они перегруппировываются, об'единяются по-новому. Вот эти обломочные материалы и называются терригенными компонентами. Исследуя их, ученый может не только представить себе внешний вид страны, бывшей их родиной, но даже судить о климате тех далеких времен.

В путешествии в геологическое прошлое ученый пользуется микроскопом, направляя его на невидимые простым глазом «ориентиры». Крошечные, кажущиеся одинаковыми песчинки, увеличенные в сотни раз, приобретают индивидуальность: кварц, слюда, полевой шпат, циркон... В поляризованном свете бесцветные кристаллики чудесно окрашиваются, выдают свои тайны. На помощь исследователю приходят спектральный анализ и многие другие самые современные способы изучения минералов...

Лауреат Сталинской премии первой степени Владимир Петрович БАТУРИН.

Форма и поверхность обломков показывают опытному глазу, какие силы действовали на частицы минералов, какие «невзгоды» они перенесли на своем длинном пути. Все это позволяет, рассматривая обломки суши, раскрывать ее прошлое строение, тип пород, рельеф, представлять себе водные пространства, захватывавшие территорию суши. Оледенения, проявления вулканизма, тектонические процессы — все оставляет свой росчерк на обломках, и нужно только уметь различать каждый автограф по особым характерным признакам.

Владимир Петрович писал, что ученый, занимающийся восстановлением исторического прошлого нашей Земли, должен смотреть не только глазами геолога, но и видеть ее глазами географа, опускающего драгу на дно моря с его сложным рисунком берегов, следящего за тучами пыли среди нагромождений барханных песков... Он хотел, чтобы исследователь заботливо собирал и анализировал факты, характеризующие современные осадочные процессы, все те «документы» природы, в которых язык моря, речного потока или ледника можно перевести на язык точной науки.

Новые методы исследований и восстановления физико-географических черт обстановки геологического прошлого, разработанные В. П. Батуриным, дали ему возможность раскрыть тайну происхождения продуктивной толщи нефтяных месторождений Апшеронского полуострова. Эта методика позволяет «читать» толщи земной коры, которым геологи дали выразительное название «немые». При поисках полезных ископаемых указания В. П. Батурина нередко служат для геолога-разведчика и компасом, и прожектором, освещающим путь. Изучая обломочные материалы и восстанавливая по ним географические условия далекого прошлого, сам В. П. Батурин, например, сделал прекрасный прогноз о нефтеотдающих свойствах минеральных скоплений продуктивной толщи для различных частей Азербайджана. Основные элементы этого прогноза были подтверждены обширными работами старого друга Владимира Петровича — проф. П. П. Авдусина.

Владимир Петрович учился на горном отделении Азербайджанского политехнического института в Баку. Здесь он еще юношей познакомился с нефтью. Он увидел, с каким трудом отыскиваются новые источники этого загадочного и драгоценного вещества. Он знал, какая борьба во всем мире идет вокруг нефти, и решил все силы отдать на то, чтобы облегчить труд людей, отыскивающих «черное золото» в недрах родной страны.

В. П. Батурин к этой цели пошел своей, нехоженной дорогой. Он был первым минерологом по терригенным компонентам осадочных пород в СССР. Его работы имеют мировое значение. На XVII международном геологическом конгрессе, происходившем в 1937 году в Москве, Владимиру Петровичу была присуждена международная премия имени Спендиарова. Методика советского ученого далеко опередила способы исследований, применяемые за границей. Труды В. П. Батурина способствуют резкому снижению затрат при поисках нефти, воды и многих других полезных ископаемых. Геолог, пользуясь методами Батурина, может без дорогостоящих детальных разведок сосредоточивать поиски в местах с наиболее благоприятным прогнозом.

Человек широчайших творческих планов, умевший и экспериментировать и вдохновенно обобщать полученные результаты, Владимир Петрович всеми силами добивался, чтобы его работы как можно быстрее давали практический эффект. Он организовал лаборатории, непосредственно обслуживающие промыслы и применяющие его методику в различных нефтеносных районах СССР.

Фамилия автора на титульном листе «Петрографического анализа геологического прошлого по терригенным компонентам» обведена черной рамкой. Это его последняя работа. Батурин умер в 1945 году. Умер совсем молодым, в самом расцвете творческих сил. Но когда товарищи и ученики говорят о Владимире Петровиче, ярко и живо возникает весь облик этого талантливейшего труженика науки, воспитателя молодежи, самоотверженного исследователя.

«Петрографический анализ геологического прошлого» был результатом напряженной многолетней работы В. П. Батурина, написавшего о своей книге так:

«Если настоящая книга побудит читателя заполнить пробелы в геологической истории нашей обширной страны на основе изучения терригенных компонентов и даст ему некоторые направляющие идеи, я буду считать свой труд оправданным, так как будущее геологии и как науки о земле, и как основания при поисках полезных ископаемых, во многом зависит от полноты знания деталей палеогеографии...»

Сталинской премией первой степени Родина оценила замечательный труд ученого.

Больше бумаги стране

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Как жернова на мельнице, так и в целлюлозно-бумажной промышленности важную роль играет дефибрер, или «древотерка». Она превращает дерево в волокнистую массу. Важнейшей частью дефиберной машины является камень.

На окраине Свердловска находится единственный в стране завод дефиберных камней, который призван снабжать бумажные комбинаты всего Советского Союза. Несмотря на трудности производства, план прошлого года свердловские дефиберщики выполнили с превышением. Но значит ли это, что на заводе все благополучно? Нет и нет.

На пути дефиберного камня стоят большие «камни преткновения». Завод нуждается в большой и серьезной помощи. Начнем с того, что заводу нужен лес, в котором на Урале, как известно, недостатка нет. Лес нужен для срочного ремонта завода, для упаковки продукции, для изготовления моделей. Ново-Лялинский бумажный комбинат обязан дать лес, но директор комбината тов. Соломко равнодушен к нуждам свердловцев. Пробовали обратиться за помощью в Москву, в трест. Оттуда вновь направили к Соломко. Заместитель министра целлюлозной и бумажной промышленности СССР тов. Трудов снова дал распоряжение об отпуске леса. Но получить его так и не удалось: у тов. Соломко своя точка зрения...

Скверно снабжается завод и сырьем. Оно поступает от случая к случаю. В прошлом году цемент был получен только после вмешательства Свердловского обкома ВКП(б), и лишь трудовой энтузиазм дружного коллектива завода помог выполнить план к 30-летию Октября. В этом году положение с цементом и песком не лучше. Завод должен получить 10 вагонов кварцевого песка с Аргаяшского карьера, который принадлежит Уралмашзаводу. Коммерческий директор этого завода тов. Ницберг неоднократно обещал обеспечить песком завод дефиберных камней, но ничего не сделал. Хуже того: недавно завод получил предупреждение горного отдела Уралмашзавода о том, что запасы песка в Аргаяшском карьере иссякают. Обеспокоенные руководители завода немедленно обратились в управление геологической службы с просьбой произвести разведки песков. Но и здесь они не добились толка.

Тормозит работу завода и Южно-Уральская железная дорога, нерегулярно подающая вагоны.

Что же получается: на Урале — и без песка, в лесу — и без леса!..

Происходит это потому, что у некоторых товарищей нет настоящей заботы о нуждах завода. Спору нет: среди других предприятий страны Свердловский завод дефиберных камней — только маленькая точка на карте отечественной промышленности. Но разве его работа не связана тесно с производством всех бумажных комбинатов страны? Достаточно сказать, что из Эстонской ССР недавно сообщили: камень, изготовленный свердловским заводом, проработал 4.069 часов. Это неслыханная производительность — средняя продолжительность работы камней заграничных фирм не превышает 1.500 часов.

Свердловские дефиберщики заслужили право на внимание, им надо помочь.

Мы просим Министерство целлюлозной и бумажной промышленности, Министерство промышленности строительных материалов и Министерство геологии не забывать о том, что завод дефиберных камней должен быть снабжен лесом, цементом и песком.

Бригада уральских писателей:
П. БАЖОВ, Б. РЯБИНИН, К. МУРЗИДИ.

СВЕРДЛОВСК.

К столетию со дня смерти В. Г. Белинского

В. СМИРНОВА

Великий русский мыслитель

В борьбе вокруг наследия Белинского, начавшейся после смерти великого критика, одно из главных мест неизменно занимал вопрос о Белинском как мыслителе. Не случайно этот вопрос явился предметом ожесточенных споров. Оценка Белинского как мыслителя выражала отношение различных лагерей русского общества к содержанию его идей, к его революционно-демократическим традициям.

Враги революционной демократии стремились «уничтожить» Белинского как мыслителя. Откровенные реакционеры и либералы пытались представить великого критика несамостоятельным мыслителем, повторявшим в своих статьях идеи западноевропейских философов. Представители прогрессивного лагеря, напротив, справедливо видели в нем крупнейшего русского мыслителя, выдающегося философа и социолога.

Высокую оценку роли Белинского в развитии передовой русской мысли дал В. И. Ленин. В своей знаменитой работе «Что делать?» Владимир Ильич назвал его, наряду с Герценом и Чернышевским, предшественником русской социал-демократии.

Белинский был одним из первых борцов за создание революционной теории в России. В его мировоззрении нашли выражение характерные черты передовой русской мысли XIX века — революционная устремленность, желание связать философию с жизнью, вера в силу человеческого разума и науки, материализм и оригинальная разработка диалектического метода.

По мнению Белинского, в науке возможны два пути исследования. Приступая к научным занятиям, человек может не иметь ранее сложившихся мнений и убеждений по интересующим его вопросам. Но можно приступить к исследованию «из желания оправдать... свою задушевную мысль, в которой человек убежден по чувству, предчувствию, a priori, и которой он хочет, путем науки, дать действительное, реальное существование». Этим вторым путем и шел он сам.

Развитие философской мысли Белинского выражало его горячее стремление найти научное обоснование прогрессивных общественных идеалов, определить принципы и пути человеческой деятельности, направленной на переустройство общественных отношений. Для Белинского, — писал Герцен, — «истины, выводы не были ни отвлеченностями, ни игрой ума, но вопросами жизни и смерти; свободный от всякого постороннего влияния, он вступил в науку с большой искренностью; он не старался что-либо спасти от огня анализа и отрицания и совершенно естественно восстал против половинчатых решений, робких заключений и малодушных уступок».

Путь идейного развития Белинского был сложен и противоречив. Слабое развитие классовой борьбы в России 30—40-х годов XIX века, отсутствие массового революционного движения затрудняли поиски революционной теории, определение путей преобразования общественных отношений. Белинский не сразу пришел к революционному демократизму и материализму. В начале своей деятельности — в 30-х годах он являлся сторонником философского идеализма. Он не был в это время и революционером-демократом. Путь к переустройству общества на разумных и справедливых началах он видел в перевоспитании людей, в изменении их сознания, в распространении просвещения. В своем заблуждении он отказался тогда от борьбы против существующего общественного строя и защищал в течение некоторого времени мысль о «примирении с действительностью».

«Примирение с действительностью», столь противоречившее всем устремлениям Белинского, было недолговременным. Уже в 1840 году он решительно порвал с «примирительной» точкой зрения. «Нет, пока рука держит перо, пока в душе еще не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу, — не прятаться, а идти навстречу этой гнусной действительности буду я», — восклицает он.

Начиная с этого времени, Белинский становится горячим защитником «идеи отрицания», непримиримым борцом против «гнусной действительности», сторонником социализма.

В крепостной России 40-х годов он не мог, конечно, выработать теорию научного социализма. Его социализм, не опиравшийся на материалистическое понимание истории и научный анализ законов развития общества, остался лишь мечтой о прекрасном будущем человечества. Но Белинский сумел освободиться от иллюзорных надежд на мирное осуществление социализма, свойственных социалистам-утопистам Запада. Он не верил в то, что переустройство общества на социалистических началах может сделаться «само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». Идею социализма он неразрывно связывал с пропагандой революционной борьбы.

Революционно-демократические и социалистические убеждения Белинского находили теоретическое обоснование в его диалектическом взгляде на мир. Развитие, переход от низших форм к высшим, было для Белинского «непреложным законом» жизни, природы и человечества. Он видел в истории прогрессивную смену общественных форм и горячо верил в историческую правомерность наступления «нового золотого века» — социализма. Защищая идею развития, он особенно подчеркивал значение отрицания старого, отжившего, во имя новых, высших форм жизни.

Развитие философских взглядов Белинского в 40-х годах совершалось в процессе преодоления и критики гегелевского идеализма. Белинский всегда отдавал должное диалектическому методу Гегеля — этой прогрессивной стороне гегелевской философии. Однако, уже самое направление мысли Белинского — его стремление сделать теорию оружием в революционной борьбе против существующего строя — неизбежно приводило его к столкновению с мистическими идеями Гегеля и его реакционной системой.

Белинский подверг резкой критике созерцательность, абстрактность гегелевской философии, ее «примирительные» тенденции. С презрением писал он о политическом идеале Гегеля — конституционной монархии: «...Какое узенькое понятие!»

Белинскому была глубоко чужда мысль Гегеля о «конце» — завершении процесса развития. В противоположность Гегелю, он считал развитие во всех сферах действительности бесконечным, не имеющим границ. Он стремился, в отличие от Гегеля, применять диалектику не только к прошлому человеческого общества, но и к настоящему и будущему.

Белинский понял и блестяще показал, что немецкая философия уводит человека от реальной жизни и общественной борьбы. «Как только начали проповедывать о нелепости дуализма, — писал Герцен, — первый же талантливый русский человек, который занялся немецкой философией, указал, что она была реалистична только на словах, а в основе оставалась религией земной, религией без неба, логическим монастырем, в который укрываются, чтобы погружаться в мир отвлеченностей».

В середине 40-х годов Белинский окончательно порывает с идеализмом и твердо становится на позиции материализма и атеизма.

С этого времени он уже решительно отказывается признавать существование в мире какой-либо потусторонней духовной силы, «сверхнатурального». Он считал необходимым навсегда освободить философию от идеализма и теологии, оторвать человеческий ум от всего фантастического и мистического. Он настаивал на том, что в «духовном» следует видеть «деятельность физического». По убеждению Белинского, «духовная природа» человека не может быть отделена от его «физической природы», ибо они связаны и не могут быть отделены друг от друга. «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же несостоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии».

Белинский резко выступал против агностицизма и скептицизма. Он исходил при этом из взгляда на человеческое познание, как на исторический процесс, и утверждал, что истина «развивается исторически, что она сеется, поливается потом и потом жнется, молотится и веется, и что многие шелухи должно ответить, чтобы добраться до зерен...» Белинский считал необходимым сочетание эмпирического и рационального познания. Изучение фактов для него — основа знания, но лишь раскрытие законов превращает знание в науку.

Начиная с 40-х годов, Белинский убежденный атеист. «...В словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, — писал он Герцену в 1845 г., — и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре».

Однако Белинский не смог материалистически преобразовать гегелевскую диалектику и окончательно освободить диалектический метод от идеалистической шелухи. Но, несмотря на это, он пошел дальше созерцательного метафизического материализма Фейербаха, к диалектическому материализму. Наш народ может по праву гордиться своим замечательным соотечественником, который в отсталой крепостной России сумел встать на путь, ведущий к вершинам науки, и приблизился к взглядам великих создателей подлинно научной философии — Маркса и Энгельса.

* * *

Деятельность Белинского отделена столетием от нашего времени. Но великие идеи, вдохновлявшие его, и ныне близки всему прогрессивному человечеству.

В наше время, когда растленная буржуазная философия, воскрешая худшие времена средневековья, стремится увести человеческую мысль в болото мистики и религии, — призыв великого русского мыслителя к освобождению философии от всего фантастического и мифического близок всем, кому дорога судьба науки.

Теперь, когда «дипломированные лакеи поповщины», подновляя старый юмистско-кантианский хлам, изощряются в «доказательствах» непознаваемости мира, безграничная вера Белинского в силу человеческого разума и науки служит светлым примером прогрессивности традиций русской мысли. В буржуазной философии и социологии, проникнутой страхом перед неизбежным концом капитализма, все отчетливее звучат идеи пессимизма, неверия в движение человечества вперед, и тем более созвучны и понятны теперь прогрессивным силам мира великий исторический оптимизм Белинского, его твердая уверенность в победе нового над старым, отжившим свой век.

Федор ГЛАДКОВ

Пензенский альманах

Наше литературное движение переживает под'ем. Отечественная война была порой трагических испытаний и неисчислимых жертв. Но она была и великой школой героического патриотизма, крепкого социалистического содружества и трудовых творческих подвигов. Наши воины возвратились с полей сражения с огромным опытом, с неугасимой мятежностью, с горячими думами, которые не остынут никогда. Многие из них испытывали страстную потребность выразить эти свои думы и переживания в стихах, в рассказах, в дневниках и мемуарных записях. Молодые люди, возвратившись в родные места, заполнили своими стихами и рассказами литературные страницы областных газет, они шлют рукописи в центральные журналы. Местными отделениями Огиза издаются сборники отдельных авторов и альманахи.

Так возник неплохой литературный альманах и в Пензе под хорошим названием «Земля родная».

В Пензе работает плеяда поэтов и прозаиков, которые сгруппировались около газеты и областного издательства. Если не считать двух «старых» писателей — В. Садовского и А. Анисимову, — все они фронтовики.

Есть в альманахе и удачные, есть и слабые вещи. Не говоря о рассказе Н. Емельяновой и очерке Б. Агапова—писателей, привлеченных, очевидно, для того, чтобы подкрепить состав местных авторов авторитетными именами, я считаю, что роман «Алмазная грань» Вл. Садовского—наиболее значительное произведение из всего, что напечатано в обеих книжках. Автор хорошо изучил крепостную эпоху, быт помещиков и крестьян и те своеобразные условия заводского рабского труда, в которых приходилось работать талантливым русским людям. Действие начинается в конце XVIII века и развивается до наших дней. Перед читателем проходит несколько поколений изумительных мастеров хрустального дела — тонких, непревзойденных художников, которые создают филигранные вещи из стекла. До сих пор эти поразительные произведения искусства хранятся в заводском Николо-Пестравском музее. Выразительны фигуры мастера Кирилина, старых рабочих и помещиков-заводчиков Ковалевых. Казалось бы, что при кошмарных условиях рабства невозможно было родиться и расти творцу-художнику, но чудотворная сила гения преодолевала все препятствия. Мы видим, как эти даровитые люди боролись не только за свое право вдохновенно творить, но и за свое человеческое достоинство, за социальную справедливость. Жаль, что в романе много сырых мест и недостаточно богат язык; на мой взгляд, автору необходимо поработать над книгой для отдельного издания.

Сказки А. Анисимовой написаны хорошим народным языком. Лучшая из них—«Скороходы-сапоги» — о старике-чеботаре, который шьет сапоги для воинов Отечественной войны и своим трудом помогает победить врага. «Заколдованная липа» — сказка о том, как любовь парня оживляет девушку, превращенную колдуном в сухую липу, и она опять становится девушкой, не оригинальна ни по сюжету, ни по теме.

Г. Хвостов и Я. Дымов появляются в печати впервые. Хвостов рассказывает о демобилизованном воине, в душе которого дружный и горячий труд колхозников и их самоотверженная борьба за жизнь товарищей, захваченных снежным бураном, побеждают его стремление уехать в город. Дымов хорошо нарисовал образ русской женщины—старшей стрелочницы на фронтовой дороге. Ее скромная работа превращается в настоящий боевой подвиг.

Очерки Вьюнова «Новый дом» и «Родные поля»—неплохие зарисовки артельного труда. Первый очерк посвящен постройке новых изб в деревне, а второй—работе МТС. Автор уже давно работает в областной газете и умеет показать колхозника, как борца за урожай и как активного общественного деятеля.

У поэтов В. Полякова, С. Давыдова и С. Гуленкова—хорошее будущее. Их стихи—свежи, очень искренни и приятно просты. Особенно удачны: «Жигули» и «Подарок вождю» Полякова, «Лермонтовский цикл» Давыдова и «Возвращение» Гуленкова.

Художественный раздел производит в общем хорошее впечатление, но все-таки в нем нет еще широкого дыхания, все-таки слабо отражены в нем и коренные вопросы колхозной жизни, и насущные проблемы промышленного труда в новых, послевоенных условиях.

Все, что напечатано в двух книгах «Земли родной», — это незначительная часть того, что создано пензенскими писателями. В резерве находится много материала, который ждет своей очереди. Это очень важное обстоятельство. Альманах стал уже тем органом, вокруг которого начинают собираться общественно-культурные силы области. Необходимо привлечь к нему и сведущих и бывалых людей: ведь Пенза — индустриальный город, там много инженеров, старых рабочих, старых революционеров. Творцы новых методов труда, новой технологии должны найти своих художников. Если книжки альманаха обсуждаются на массовых собраниях читателей в публичной библиотеке и читаются нарасхват и на предприятиях и в колхозах — значит, он нужен, он отвечает потребностям и запросам общества.

Наиболее слабо поставлен отдел критики, хотя есть все возможности сделать его неплохим. Нельзя ограничиваться помещением коротких рецензий, да еще о книгах, изданных в Москве. Надо прежде всего ставить коренные вопросы современного литературного движения в связи с выходом книг не только в центре, но и в области, надо освещать проблемы марксистской эстетики и партийности в литературе. Силы в Пензе для этого есть.

На двух последних конференциях областных писателей пензенский альманах оценен, как один из лучших. Я вполне разделяю эту оценку и считаю, что последующие книжки будут еще лучше, еще ярче. Люди быстро растут, они требовательны к себе и товарищам. Надо только творчески укрепить молодую группу, пристально следить за нею и помогать в работе. А самим литераторам не забывать, что строгая самокритика — это закон творческого роста.

Спор о рассказе

Еженедельно по вторникам в редакции «Литературной газеты» собираются критики и писатели, чтобы обсудить текущие вопросы советской литературы, обменяться мнениями о вышедших книгах и журналах, наметить темы статей для газеты.

Содержание и качество рассказов, появляющихся в наших журналах, необходимость стимулирования этого важного жанра, привлекающего за последнее время незаслуженно малое внимание критики, — все это стало темой обсуждения на одном из последних «вторников».

Мы печатаем отчет и сокращенные стенограммы некоторых выступлений и приглашаем писателей, критиков и читателей продолжить обсуждение на страницах нашей газеты.

Обсуждение было открыто кратким сообщением Л. Скорино о тех рассказах, которые напечатал в нынешнем году журнал «Огонек».

Л. Скорино отметила дурную литературную условность ряда прочитанных ею рассказов. Как о скучном стандарте, она говорила о нескольких псевдонародных рассказах, появившихся в журнале в этом году. Стилизованный «земляной человек» из'ясняется здесь соответственно стилизованным мнимо-народным языком. Происходит обычно одно и то же: герой совершает какой-нибудь подвиг, а затем сам же пространно его об'ясняет. Как на характерном примере, Л. Скорино подробно остановилась на рассказе «Наследник» Ю. Нагибина.

Многие рассказы из числа опубликованных «Огоньком» написаны с точки зрения литературной весьма тщательно. Но состоят они из цепи ничтожно мелких событий. Автор хочет из этой цепи вывести глубокий и серьезный философский вывод, но беда-то в том и состоит, что философия эта никак не вмещается в мелкий резервуар, уготованный автором.

Б. Брайнина разобрала три рассказа из журнала «Молодой колхозник».

— Мы были бы несправедливы, — сказал **И. Гринберг**, — если бы не заметили весьма ощутимые сдвиги и перемены, происшедшие за последние годы в области рассказа, если бы мимо нашего внимания прошли отдельные удачи, которые предвещают большой, подлинный успех. И. Гринберг говорил далее о достижениях советской новеллы, о том, как в наши рассказы вошла поэзия советской повседневности.

Е. Рысс отметил нарочитость многих новеллистических сюжетов. На примере рассказов **В. Овечкина С. Нагорный** показал значение нового передового мировоззрения для творческих успехов писателя. Необходимости глубокого изучения жизненных явлений и подлинного, активного вторжения в жизнь посвятила свое выступление **З. Кедрина**.

В обсуждении участвовали Л. Рубинштейн, С. Львов, Н. Атаров, Е. Холодов. Мы публикуем сокращенные стенограммы их выступлений.

Сергей ЛЬВОВ

Большое в малом

Сегодня, как и не раз до этого, многие говорили о том, что мало новых рассказов. Еще-де меньше таких, которые бы по-настоящему запоминались. Мне думается, что это не так, и эти сетования — род критической инерции.

Есть рассказы, где в малом показано большое, в частном эпизоде, определяющем сюжет, отражено общее.

В первой книжке «Нового мира» за 1948 год опубликован рассказ Евгения Воробьева «Нет ничего дороже». До этого из печати вышло три сборника рассказов того же автора. В них видишь, как писатель идет от простого показа эпизода к обобщению, как увеличивается емкость его маленьких рассказов. «Нет ничего дороже» — не случайная удача, а результат упорного совершенствования писателя в жанре рассказа.

Глеб Левашов приехал в деревню Большие Нитяжи, чтобы поклониться могиле фронтового друга сапера Алексея Скорнякова. Он узнает, что луг, на котором погиб Скорняков, все еще не разминирован. Советский человек Глеб Левашов понимает: мало просто поклониться могиле друга, надо докончить его дело, надо отвоевать луг для колхозников. Не раз у других писателей, да и у самого Е. Воробьева, читали мы описание работы саперов. Но никогда оно не достигало такого напряженного драматизма, как на тех двух страницах, где описано, как отвыкший от опасности, да и, наверное, что-то утративший в технической сноровке Левашов разоружает немецкие мины. Начиная с того момента, когда он ощупывает первый взрыватель («Лишь бы не задрожали руки — сапер касается сейчас кончиками пальцев самой своей жизни»), до последних строк сцена разминирования читается с огромным волнением.

И секрет этого волнения не в том, что герой побеждает опасность, побеждает технику, секрет в том, что он побеждает собственную слабость.

Безмолвное завещание фронтового друга выполнено. Внутренняя слабость, внутреннее колебание, которые преодолел Глеб, имеют решающее значение для рассказа, ибо весь он задуман, как ответ на вопрос: может ли советский человек мерить в дни мира свой долг меньшей мерой, чем в дни войны. Неделимость чувства долга советского человека, ощущение себя и в мирной жизни воином — эта мысль выражена Е. Воробьевым языком живых и полнокровных поэтических образов.

Невольно вспоминается повесть талантливого английского писателя Найджела Бэлчина «В маленькой лаборатории». Там герой тоже разряжает немецкую мину. Подобно Глебу Левашову, он борется не только с миной, но и с самим собой. Но то, что для Левашова — минутное колебание, для Сэмми Райса — сущность его надломленного характера. В самую последнюю минуту ему нехватает моральных и физических сил, чтобы до конца довести свое дело. Последнее движение делает другой. Радость победы отравлена. Мина разряжена, но окружающий мир остался таким же мрачным, с такой же вопиющей социальной несправедливостью, с теми же преуспевающими дельцами, с теми же спекулянтами оружием. Для героя повесть кончается еще большим ощущением своей надломленности и неполноценности. И это делает такой гнетущей атмосферу повести.

В сопоставлении этих двух произведений предельно ощутимо огромное превосходство советского человека, каждый подвиг которого — лишь звено в цепи героических дел страны, идущей к коммунизму.

Лев РУБИНШТЕЙН

Боевое оружие

Журнал «Советский воин» за последние годы проделал большую работу, помогая создавать рассказы о жизни Советской Армии в мирное время.

В № 6 за 1947 год был напечатан рассказ В. Тихомирова «Сердце друга» — о двух офицерах, из которых один, изучив другого досконально и зная, чего от него можно ожидать, ставит ему на маневрах тактическую ловушку и добивается разгрома условного противника. Это рассказ о роли характера в искусстве боя. В нем острая проблема боевого «соперничества» двух командиров, не разделимая с их боевым содружеством, поставлена правильно. Это рассказ о военных людях-энтузиастах, увлеченных решением боевой задачи. Опыт Отечественной войны, естественно, пронизывает весь сюжет. Здесь нет ложного противопоставления насыщенного событиями военного времени плавно текущему в буднях мирному армейскому быту.

Однако, чаще авторы рассказов заменяют человека схематическим чертежом, сосредоточивая все внимание на технической проблеме. Они дают «случай» — случай на маневрах, случай в учебе, техническую подробность, бытовую зарисовку, даже просто «пейзаж с настроением». Схема, придуманная автором, ограничивает горизонт рассказа историей одного «заедающего поршня» или одного, к примеру, тактического выхода с использованием дымовых шашек.

Рассказ, таким образом, сводится к беглому техническому эпизоду. В «Цене секунды» Ан. Белошеева (№ 2, 1947) речь идет об увеличении скорости стрельбы по танкам при помощи рациональной организации работы орудийного расчета. Мысль важна, но доведена она до читателя очень уж тяжеловесным способом.

«Наводчик и заряжающий соскакивают справа по ходу машины, замковый и ящичный — слева. Поскольку панорама все время находится в руках наводчика, по команде «с передков» он немедленно ставит на ней нулевые установки...»

Чем это отличается от языка уставных положений?

Военный рассказ есть, собственно, тоже род оружия. Совершенствуя технику этого оружия, автор совершенствует самого себя.

Надо писать горячо и увлеченно, как горячо и увлеченно работает артиллерист, стремящийся накрыть мишень без пристрелки.

Е. ХОЛОДОВ

О взволнованности

Скучный роман — это плохо. Но если автор умудряется заставить читателей скучать на протяжении коротенького рассказа, — это совсем никуда не годится.

Недавно мне довелось просматривать комплект журнала «Вокруг света». В №№ 7, 8, 9 и 10 за прошлый год проблема рассказа была решена вполне радикально — в них не напечатано ни одного рассказа. В последующих номерах редакция, повидимому, вспомнила о существовании новеллистического жанра, но забыла при этом о направлении, тематике и читателе своего журнала.

Конечно, я не думаю, что следовало бы основать специальный журнал для публикования скучных рассказов. Но я уверен, что журнал «Вокруг света» меньше всего подходит для этой цели. Где-где, а уж здесь, во всяком случае, рассчитываешь встретить рассказ, если не увлекательный, то, по крайней мере, занимательный. Пусть это не будет традиционный «приключенческий» рассказ, но хотелось бы, чтобы, в конце концов, с героями его что-нибудь приключилось.

В рассказе Вл. Лидина «Лагуна» (№ 12, 1947) некто Кирдецов после демобилизации возвращается к месту старой службы, в Арктику. Ему, прошедшему дорогу войны, дошедшему до Берлина, начинает казаться, что он напрасно вернулся в арктическое безлюдье, что теперь его не удовлетворит однообразие арктических будней. Что ж, исходная позиция для рассказа не плохая. Мы ждем, что же произойдет с Кирдецовым, вернется ли к нему былая влюбленность в свой край. В рассказе происходит разговор. Кирдецов рассказывает бывшему приятелю Мише Сергееву о своих сомнениях, Миша Сергеев рассказывает Кирдецову, что в дни войны они тоже помогали фронту, собирали птичий пух и яйца. Все. Конфликт разрешен. Кирдецов переубежден. Рассказ закончен. А на самом деле рассказ не состоялся.

В рассказе Ю. Олеши «Туркмен» (№ 3, 1948) самое лучшее место — лирическое отступление: «Хорошо иметь брата». В целом же это рассказ замедленного действия, в котором, однако, сюжетный взрыв так и не происходит.

О своих героях автор рассказывает с умилением. Есть у него такое место: «Он (герой рассказа — молодой туркмен) хотел сказать, что он гордится своим народом. Но он подумал, что эта фраза, сказанная без связи со всеми теми мыслями, которые переполняли его, покажется общей». А вот автор, сказав читателям о том, что он гордится своими героями, не подумал о том, что это покажется общей фразой.

Я отнюдь не разделяю точки зрения тех товарищей, которые считают, что главная беда наших рассказов в так называемой «дидактичности», в том, что автор, мол, как бы не доверяя способности читателя самому сделать верные выводы, спешит поставить все точки над «и». Я думаю, что автор вовсе не должен сохранять позицию беспристрастного и бесстрастного повествователя,—дескать, вот как было дело, а к чему это—разбирайтесь сами. Автор должен быть взволнованным рассказчиком, который стремится поведать не только о самих событиях, но и хочет поделиться с читателем мыслями, на которые эти события его навели.

Николай АТАРОВ

Несжатое поле

В последние годы рассказы откочевали в тонкие журналы. Можно по-разному об'яснять или замалчивать причины этого примечательного явления, только нельзя его опровергать: в сорока восьми книжках прошлогодних комплектов «толстых» журналов не найти и двадцати пяти рассказов. Между тем, только журнал «Огонек» опубликовал более восьмидесяти рассказов; там они, стало быть, и гнездятся — в тонких журналах — и хорошие и плохие.

Преодолев предвзятость, читающий критик мог бы извлечь много важного и полезного из рассмотрения современных рассказов. Удача и неудача в этом жанре слишком наглядны и не нуждаются в скучном рецензентском доказательстве, что — хорошо и что — плохо... В то же время многочисленность рассказов, их драматическая сгущенность, сжатость об'ема, интенсивность морального тона наталкивают на интересные сопоставления, приводят к плодотворным выводам о самих причинах, порождающих в одном случае удачу, в другом—неудачу.

И если критики не снимают урожая с такого поля, можно ли извинить их, есть ли этому оправдание?

Большая тема — отношения между личным и общественным — многообразно была поставлена и получила различные решения в десятках журнальных рассказов и в семнадцати сборниках, изданных «Советским писателем» в прошлом году. Тут и «Большая звезда» — сомнительное произведение М. Пришвина, маленький «огоньковский» рассказ, в котором автор пытается убедить нас, что в мире, пораженном филоксерой, мы сжигаем во имя будущего виноградники личного счастья. Но тут и чудесные рассказы Нины Емельяновой — «Четыре весны» и другие, пронизанные советским чувством жизни.

Во многих рассказах прошлого года, — может быть, не с той крайностью выводов, как у Пришвина в «Большой звезде», — отношения между личным и общественным изображаются, как прежде всего «укорочение», аскетическое ущемление, поглощение личного. Убеждены ли сами авторы в правоте такого решения одной из основных этических черт нашей жизни? Думаю, что нет.

Вот, к примеру, рассказ «Богатство» В. Ильенкова. Он опубликован в «Огоньке». Я привожу его просто к случаю, можно было бы назвать много других. Учительница, прожившая долгую жизнь с народом и для него, испытывает счастье признания и чувствует себя подлинно богатой **только тогда**, когда на выигранные по облигации 50 000 рублей приобретает для колхоза грузовую машину. В семье у нее—больные сестры, дочь едет учиться, ей нужно пальто и платье, всем этим пренебрегает старая учительница ради торжества кое-как улегшегося в моральную схему сюжета: благодарность народа учительница получает лишь тогда, когда она дарит грузовик.

Жизнь знает много похожего, недалеко ходить за примером: Ферапонт Головатый. Но в жизни эта ситуация растет из новых социалистических отношений, а не из старой литературной схемы жертвенного самоотречения героя.

А наряду с этим, как всегда, среди десятков посредственных рассказов — несколько отличных, обладающих всеми качествами большого искусства. Я назову только «Идут дожди» Павленко, «Журка и журавка» Ляшко, «Прошлым летом» Лукашевича, «Новый секретарь» Дороша, «Начало» Леваковской, «Весна» Антонова, «Неопалимая» Федоровича, «Пасечник» Фоменко, «Знакомый человек» Караваевой, «Неведомый друг» Шефнера, «Путь к Наубехару» Эрберга, «Дело Волларда» Шарова. Рассказы эти бесконечно многообразны — и в проявлениях стиля, и в широте захвата жизни. Их об'единяет подлинный оптимизм взгляда — самый верный и дорогой признак нашего искусства.

Утверждаю, — вместе с группой писателей-рассказчиков, — что было бы нетрудно составить отличное собрание советских рассказов. За три десятилетия немалое количество талантливых рассказов распылено по журналам, отодвинулось из памяти и ждет возвращения к читателю. И только писательская редакционная коллегия, уполномоченная Союзом советских писателей и его секцией прозы, могла бы хорошо осуществить этот труд, не опорочивая жанра случайным подбором, как это было сделано в прошлом году Государственным издательством художественной литературы при составлении наредкость неудачного «Сборника рассказов».

А. ЛЕОНИДОВ

Эта книга конфискована в США

Как миллиардеры вооружали Гитлера

Вышедшая в Америке книга Амбрастера «Мир предательства» произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Ее автор Говард Уотсон Амбрастер — не политический деятель, не журналист, не экономист и во всяком случае не человек левых взглядов. Он просто инженер-химик, на протяжении сорока лет являвшийся видным консультантом различных частных фирм американской химической промышленности. Работая с этими фирмами, он натолкнулся на разительные факты, относящиеся к деятельности известной германской химической монополии «И. Г. Фарбениндустри» в Соединенных Штатах. Речь шла о неслыханных, даже невероятных, с его точки зрения, явлениях; активность германского треста и его союзников в высших сферах американской плутократии грозила серьезными последствиями для безопасности Америки и всего мира. И он решил действовать.

Год за годом Амбрастер делал все от него зависящее, чтобы довести собранные им материалы до сведения американской общественности и правительственных органов. Он забрасывал письмами и докладами министров, сенаторов, судей, парламентские комиссии, редакции крупных газет. Его иногда выслушивали, но этим дело и отграничивалось.

Тогда Амбрастер решился на отчаянный в нынешних американских условиях шаг — написать книгу и опубликовать в ней хотя бы часть собранных им материалов. Тотчас же после выхода в свет книга была конфискована по распоряжению американского правительства.

Невозможно перечислить хотя бы в самой сжатой форме все существенные факты, собранные Амбрастером. Его труд является скорее справочником и сборником документальных данных по истории проникновения германских монополистов в американскую экономику и политику, чем стройным аналитическим исследованием существа вопроса. Но именно из этого длинного реестра голых фактов, «коммерческих» договоров, финансовых сделок всевозможных акционерных компаний выступает совершенно отчетливо картина того, что происходило за кулисами американо-германских отношений в период, предшествовавший второй мировой войне.

«КАПИТАНЫ» КОМАНДУЮТ «КОРОЛЯМИ»

Хозяева франкфуртского химического треста «И. Г. Фарбениндустри» — Дуисбург, Шмитц, Бош, фон Шницлер, люди, перед которыми дрожали правители веймарской Германии, были давно и неразрывно связаны тайными соглашениями и личными узами с вожаками фашистской партии. И тех и других об'единяла одна общая цель. Гитлер хотел войны, чтобы завоевать мир для фашизма. Трест «И. Г.» хотел войны, чтобы захватить мир для германских химических заводов, учредить мировую «диктатуру германской лаборатории» и вдобавок нажить еще несколько миллиардов на поставке средств для опустошения целого континента. И те и другие ставили все на карту ради достижения этой цели: судьбу германского народа, судьбу Европы, судьбу цивилизации.

В начале тридцатых годов германская химическая монополия приступила к осуществлению задуманного ею совместно с руководителями нацистской партии плана, от успеха которого зависела судьба всей сокровенной программы германского фашизма, гитлеровской химеры о завоевании мира для Германии. Речь шла о привлечении американских миллиардов и колоссальных технических средств американской промышленности к непосредственному участию в вооружении Германии.

Этот план и был осуществлен в невиданной до тех пор в истории международных капиталистических отношений форме: путем создания гигантского тайного союза почти всех крупных международных монополий для снабжения гитлеровской Германии золотом и важнейшими военно-техническими средствами.

Описывая сложную систему договоров и негласных соглашений, заключенных в этот период между «И. Г.» и различными американскими корпорациями, инженер-химик Амбрастер сам не в состоянии дать себе отчет в том, как далеко зашло разветвление этой системы и каково было ее настоящее значение. Добросовестно перечисляя около 230 американских фирм, в той или иной форме связанных с германской монополией, он не в состоянии оценить по достоинству главные узлы этой сети.

В основе созданного блока корпораций лежало тройственное соглашение трех «великих держав» капиталистического мира: династии американских миллиардеров и нефтяных королей Рокфеллеров, представленных в первую очередь их трестом «Стандард ойл», династии американских королей химической промышленности Дюпонов, контролирующих значительную часть военной промышленности Соединенных Штатов, и династии «капитанов» германской химической промышленности из треста «И. Г.» (немецкие монополисты, в отличие от американских, не были склонны именовать себя «королями» и предпочитали более скромный титул «капитанов»).

Эти три главных партнера были связаны непосредственными финансовыми и техническими соглашениями по ряду отраслей промышленности, имеющих военное значение, от искусственного бензина до небьющегося стекла. При этом фактическое преимущество во всех без исключения случаях принадлежало именно «капитанам», а не «королям».

Вокруг этого основного триединого ядра — «Стандард ойл», Дюпон, «И. Г.» — группировалась свора других крупнейших монополистов не только Америки и Германии, но и Англии, и Франции, и прочих европейских капиталистических стран.

Ни разу еще в истории мировой плутократии не был создан такой крупный блок. В его центре стояла германская химическая монополия «И. Г.», и союз был закреплен личной унией главных партнеров. Когда «И. Г.» организовал в Соединенных Штатах свое новое отделение «Америкэн И. Г. кэмикэл корпорэйшн», в руки которого стали планомерно стекаться секреты американской военной техники, в дирекцию этого концерна вошли сам глава «Стандард ойл» Уолтер Тигл и сын Форда — Эдсел.

ДАЛЛЕС — АГЕНТ НЕМЕЦКИХ МОНОПОЛИСТОВ

Известно, что одним из главных методов «достижения политических целей» в системе американской демократии является так называемый «лоббиизм». «Лоббист» — это платный политический агент частного предприятия или группы частных предпринимателей — адвокат, посредник или даже общественный деятель, который проводит большую часть своего времени в кулуарах парламента или в приемных высокопоставленных политиков и чиновников.

В книге Амбрастера фигурирует ряд таких «лоббистов», находившихся на службе или в услужении у германского химического треста в Америке, причем в некоторых случаях автор называет и точную цифру полученной ими мзды. На первый план выступают две наиболее знаменитые американские адвокатские конторы, специализирующиеся на «обработке» политических дел частных фирм, отдельных миллионеров или даже политических групп.

Первая из них — адвокатская фирма, или, вернее, юридический концерн «Салливэн энд Кромвел», возглавляемый пресловутым Джоном Фостером Даллесом, главным советником республиканской партии по вопросам внешней политики и, как известно, наиболее крикливым застрельщиком антисоветской кампании в Соединенных Штатах. До сих пор полагали, что фирма г-на Даллеса, тесно связанная с финансовыми династиями Рокфеллеров и Шредеров и играющая такую видную роль в окружении американских правительственных органов, является юридическим представителем крупных американских монополий. Амбрастер приводит факты, несколько дополняющие эту информацию.

Оказывается, что адвокатское бюро Даллеса неоднократно выступало в качестве юрисконсульта ведущих директоров различных филиалов «И. Г.» в Америке. Амбрастер называет трех из них — Рудольф Ленц, Перси Кутрофф и Эрнст Гальбах, все трое из числа наиболее доверенных представителей германского треста в заатлантической республике. Тот же Даллес является юрисконсультом и директором международного никелевого треста, против которого в Соединенных Штатах после войны было возбуждено дело о соучастии в картельных сделках с «И. Г.» и о содействии перевооружению Германии. Слово г-на Даллеса — закон для известных кругов Нью-Йорка и Вашингтона, а немецкая химическая монополия была клиентом г-на Даллеса.

Главным соперником фирмы Даллеса в области политического «лоббиизма» в Соединенных Штатах является вторая по значению адвокатская контора в Нью-Йорке — фирма «Крават, Свэйн энд Мур».

В 1941 году Джон Макклой, один из главных партнеров фирмы «Крават», был назначен помощником военного министра Соединенных Штатов Америки и оставался на этом посту весь период второй мировой войны, вплоть до конца 1945 года. В число других высших чиновников того же министерства входили Альфред Маккормик и Говард Питерсон — и тот и другой компаньоны Макклоя по адвокатской конторе «Крават». Является ли случайным совпадением тот факт, что к числу лиц, решавших во время войны вопросы, связанные с воздушной бомбардировкой германских военных предприятий, принадлежали три компаньона бюро, ранее защищавшего интересы «И. Г.» в Америке?

Установлено, что основные предприятия «И. Г.» в Америке оказались после войны почти нетронутыми.

Однако германская химическая монополия имела в Соединенных Штатах и других адвокатов и заступников. На основе отдельных имен, названных Амбрастером в его книге, можно установить интересный факт. Ряд этих лиц принадлежал к личному окружению Герберта Гувера, бывшего президента Соединенных Штатов, лидера крайне правого крыла республиканской партии, друга гитлеровцев и поныне ярого сторонника создания направленного против Советского Союза международного блока на основе «возрождения германской экономики».

Но и это еще не все. Когда в 1941 году американское предприятие «И. Г.» — «Дженерал анилайн энд филм корпорэйшн» было поставлено под правительственный контроль, одним из его директоров был назначен Вильям Буллит — один из самых от'явленных реакционеров Соединенных Штатов, яростный враг Советского Союза и, следовательно, политический единомышленник Гувера.

В разных местах своей книги Амбрастер называет и других видных американских политиков и чиновников, имевших то или иное отношение к сети германского химического треста.

Вот почему международный блок монополистов, практически содействовавший в тот период вооружению Германии финансовыми и техническими средствами, не только не встретил на своем пути никакого сопротивления со стороны правящих политических кругов Соединенных Штатов, но, наоборот, получил от них полную поддержку. В этот блок входили два скрытых партнера. Одним из них был Гитлер. Другим была американская реакция.

АМЕРИКАНСКИЕ СЕКРЕТЫ ПОД ГЕРМАНСКИМ КОНТРОЛЕМ

Амбрастер дает очень полную картину финансовых сделок, производственно-технических соглашений и патентных договоров, заключенных во второй половине двадцатых годов и особенно в тридцатых годах между германской монополией «И. Г. Фарбениндустри» и ее американскими и европейскими партнерами.

Характерно, что важнейшее из них — соглашение об обмене техническими секретами и патентами — заключается в 1929 году сроком по 1947 год. Руководитель «Стандард ойл» Говард в то время открыто заявлял, что «И. Г.» становится «нашим генеральным партнером в химических делах». Несколько месяцев спустя близ Бэтон Руж в Соединенных Штатах возникает крупнейший центр технических исследований под вывеской вновь учрежденной компании «Джеско инкорпорэйтед». Административное управление находится в руках американцев. Инженеры, техники, ученые — американцы. «Стандард ойл» выделяет своих лучших специалистов.

Но значительная часть акций компании «Джеско» принадлежит немцам; директивы исходят от немцев; и немцы же, согласно генеральному соглашению со «Стандард ойл», получают в свои руки результаты всех технических исследований и патенты на изобретенные вещества и стратегические материалы.

Амбрастер пишет: «Через посредство «Стандард ойл» разведывательный отдел «И. Г. Фарбениндустри» получил доступ к достижениям технических умов (в Соединенных Штатах.— А. Л.) и смог пройти через двери, которые в другом случае были бы для него закрыты». Амбрастер утверждает даже, что некоторые отрасли американской военно-стратегической промышленности полностью подпали под германский контроль.

От Рокфеллеров не отставали и Дюпоны. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку Дюпоны издавна тесно связаны с военным министерством Соединенных Штатов и фактически выступают в качестве промышленного агента армии.

В Европе заговорили пушки. Гитлер напал на Польшу. 23 сентября 1939 года немцы об'явили, что Польша разгромлена. Два дня спустя в Гааге был подписан новый договор между американским химическим трестом и «И. Г.». Знаменательно, что дата подписания этого договора была на бумаге несколько отодвинута и отнесена к 1 сентября. Очевидно, немцы учли известную стыдливость своих американских партнеров...

Согласно договору союз между американскими и германскими монополиями фактически оставался в силе. Хотя трест «И. Г.» формально уступал свои права в американской научно-технической компании «Джеско», связь не прерывалась. Установлено, например, что «Джеско» продолжала снабжать немцев секретами производства синтетического каучука «бутил» вплоть до декабря 1940 года.

Преданная мюнхенцами Франция пала. Гитлер вступил в Париж. «Стандард ойл» продолжал сноситься с «И. Г.» через своего представителя в оккупированном Париже. В том же году состоялось новое совещание представителей обеих монополий в Швейцарии. В конце года «Стандард ойл» пыталась продать немцам принадлежавшие ей богатые нефтяные источники в Венгрии, но этому помешал Генри Уоллес, занимавший тогда пост вице-президента Соединенных Штатов и главы военно-экономического комитета. 8 августа 1940 года директоры «И. Г.» писали в докладе гитлеровскому правительству, что получаемая ими беспрерывно через их филиал в Соединенных Штатах «богатая информация... незаменима для наших наблюдений американских условий, особенно в отношении технических усовершенствований... К тому же с начала войны этот материал является важным источником для правительственных, экономических и военных учреждений».

Американские друзья германской химической монополии «И. Г.» продолжают действовать и по сей день. И притом в прежнем направлении. Только теперь уже не в качестве политических адвокатов и кулуарных дельцов в самой Америке, а в качестве офицеров и чиновников американской военной администрации в Западной Германии.

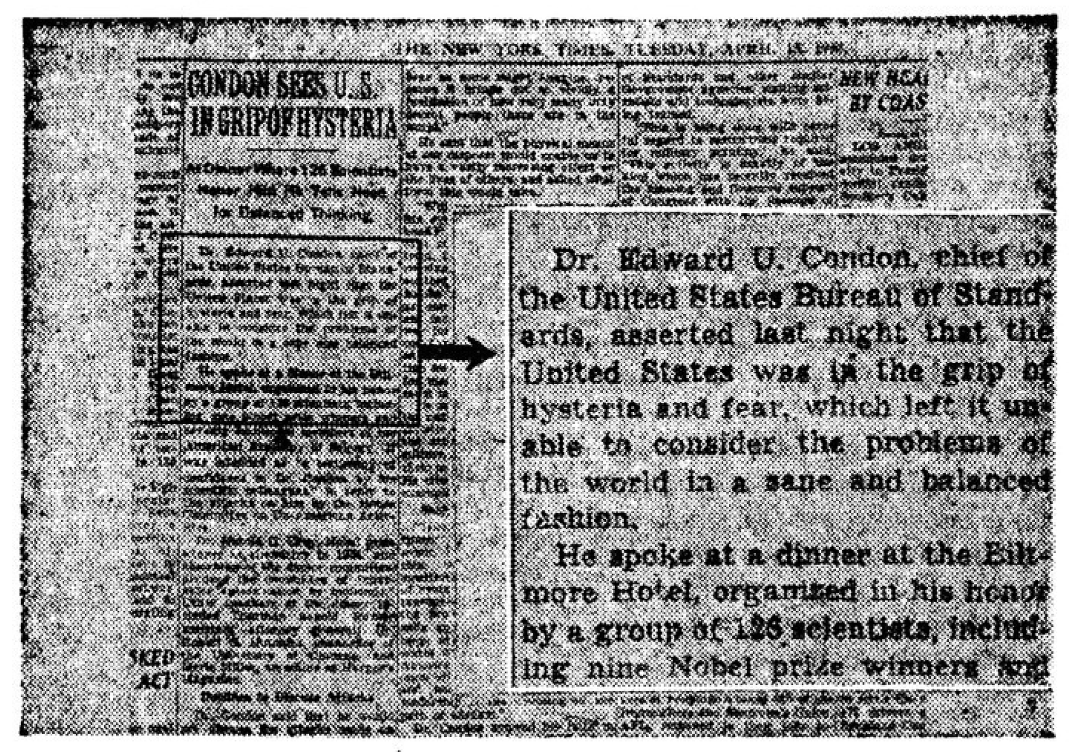
Экономическая миссия, направленная американским правительством в Германию после войны с целью изучить возможности финансирования германской промышленности для оживления внешней торговли, возглавлялась Джорджем Элленом и Говардом Питерсоном. Первый из них был директором одного из филиалов «И. Г.» в Америке. Второй был компаньоном нью-йоркской адвокатской конторы «Крават», выступавшей в качестве юрисконсульта «И. Г.» в Соединенных Штатах.

Мы уже говорили о том, что автор книги «Мир предательства» Амбрастер — не политик. Тем не менее в конце книги он не может не отметить хотя бы вскользь, что нынешний саботаж ликвидации военного потенциала «И. Г.» в Германии исходит от «тех же сил внутри вашингтонского правительства, которые сталкивают нашу внешнюю политику и наш курс в Об'единенных нациях с пути возможного соглашения с Россией».

Те же люди, те же силы, та же политика. Они вооружали германский империализм в тридцатых годах. Они хотят восстановить и снова вооружить германский империализм в сороковых годах. Теперь, как и тогда, их главная цель заключается в том, чтобы использовать этот империализм, как и все силы мировой реакции, против прогрессивной демократии, против свободолюбивых народов и в первую очередь — против великой социалистической державы. Их ставка во второй мировой войне была бита. Они делают ставку на третью мировую войну.

Howard Watson Ambruster, Treason's Peace. The Beechhurst Press. New York.

АМЕРИКАНСКИЕ УЧЕНЫЕ ВО ВЛАСТИ СТРАХА

THE NEW YORK TIMES, TUESDAY, APRIL 13, 1948

CONDON SEES U.S. IN GRIP OF HYSTERIA

Dr. Edward U. Condon, chief of the United States Bureau of Standards, asserted last night that the United States was in the grip of hysteria and fear, which left it unable to consider the problems of the world in a sane and balanced fashion.

He spoke at a dinner at the Biltmore Hotel, organized in his honor by a group of 126 scientists, including nine Nobel prize winners and

Две недели назад, 15 мая, в «Литературной газете» № 39 была напечатана статья академика А. Сперанского «Мы отстаиваем дело мира». В этой статье, посвященной актуальным проблемам американо-советских отношений, академик А. Сперанский, между прочим, сослался на высказывание известного американского ученого-атомника, руководителя Национального бюро стандартов США Кондона, который, выступая на обеде, устроенном в его честь, заявил о политике правящих кругов Соединенных Штатов следующее:

«Печально видеть, что самое мощное и богатое из государств находится во власти истерии и страха, для существования которых нет никаких разумных причин, и что оно неспособно разрешить международные проблемы в духе здравого урегулирования».

В тот же день, 15 мая, московский корреспондент агентства Юнайтед пресс передал статью «Литературной газеты» в Нью-Йорк. И в тот же день, по сообщению вашингтонского корреспондента агентства Юнайтед пресс, ученый Кондон, комментируя статью академика Сперанского, сделал заявление, в котором отрицал приписываемые ему слова. Г-н Кондон сказал: «Я не делал никакого подобного заявления, которое мне приписывается и которое не отражает правильно мои взгляды».

Между тем, слова г-на Кондона, приведенные в статье «Литературной газеты», были сказаны именно им и опубликованы 13 апреля 1948 года в газете «Нью-Йорк таймс». Помещаемая нами сегодня фотокопия той части газеты, где напечатано выступление ученого Кондона, достаточно красноречиво свидетельствует об этом.

Что же побудило солидного ученого отказаться от собственных слов? Нет сомнений, что это — результат той оголтелой кампании преследований и запугивания, которая ведется сейчас в США. Страх перед репрессиями со стороны пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, уже привлекавшей Кондона к ответу по другому поводу, страх за свою судьбу ученого, которая окажется под угрозой, если его обвинят в «нелойяльности»,— тот самый страх, о котором г-н Кондон говорил в своей речи, и заставил его отказаться от слов, произнесенных совсем недавно. Таково положение ученых в современной «свободной» Америке!

Чествование Ольги Форш

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В курортном поселке Келломяки, под Ленинградом, в Доме творчества ленинградских литераторов состоялось выездное заседание правления ленинградского отделения Союза советских писателей. Заседание было посвящено 75-летию Ольги Дмитриевны Форш, которая работает в Келломяках над новым романом «Декабристы».

На юбилей выдающегося представителя советской литературы приехали представители литературной общественности Ленинграда и Москвы. Заседание открыл председатель правления ленинградского отделения Союза писателей А. Прокофьев. Он охарактеризовал многолетнюю творческую работу Форш, как пример подлинного вдохновенного служения родной литературе.

— Форш,— сказал тов. Прокофьев,— начала свой литературный путь за десять лет до Великого Октября, но только Октябрьская революция позволила ей, большому художнику слова, полностью отдать народу свои творческие силы и неиссякаемый талант.

От имени писателей Ленинграда тов. Прокофьев пожелал юбиляру долгой жизни и новых вдохновенных работ во славу советского народа.

Приветствие правления Союза советских писателей СССР зачитала В. Смирнова.

На заседании были оглашены поздравительные телеграммы юбиляру от секретаря ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) тов. П. С. Попкова, литературных организаций советских республик, от издательств и журналов.

В ответном слове Ольга Форш сказала:

— Советский человек не стареет с годами, а молодеет. Мне хочется сделать вдвое больше, чем сделано мною до сих пор. Я страстно желаю трудом своим содействовать коммунистическому преобразованию нашей великой Родины.

За образцовую полиграфию

Что волнует печатников

На-днях в редакции «Литературной газеты» собрались руководители московских типографий, старые мастера, работники издательств, представители Огиза, профсоюза работников полиграфического производства и печати, члены комиссии Союза советских писателей по полиграфической промышленности.

На совещании обсуждались статьи, напечатанные в «Литературной газете», — о книге, культуре ее оформления, о качестве красок, выпускаемых для типографии, о подготовке кадров полиграфической промышленности, о районных типографиях, о практике взаимоотношений между издательствами и типографиями и т. д. Отмечая, что материалы, опубликованные в «Литературной газете», достигли своей цели, выступавшие рассказали о том, что волнует в настоящее время работников полиграфической промышленности.

По мнению директора Первой Образцовой типографии тов. Гарашина, одной из серьезнейших помех в работе полиграфии является небрежная подготовка рукописей к набору. Особенно плохо обстоит дело с печатанием научных трудов — как правило, 60—70 процентов гранок подвергается такой правке, что типография вынуждена делать набор вторично. Первой Образцовой типографии приходится заново набирать до 4 тысяч листов в год.

Тов. Гарашин говорил о работе художников, оформляющих книгу. Проекты художника и возможности полиграфического исполнения должны быть взаимосвязаны, — читателю мы должны дать красивую, хорошо оформленную книгу, а, между тем, зачастую приходится сталкиваться с таким фактом: художник создает проект оформления без учета способности типографии реализовать его идею.

Много важных вопросов поднял в своем выступлении председатель Московского обкома профсоюза работников полиграфического производства и печати тов. Богомолов. Он пред'явил серьезные обвинения Министерству трудовых резервов, не заботящемуся о подготовке кадров новых рабочих для типографий.

Тов. Богомолов указал, что в результате разбросанности полиграфических предприятий по десяткам ведомств старые опытные кадры распылены. Отдельным ведомствам удается получить хорошее оборудование вне учета их действительной потребности, в то время как другие предприятия, которые нуждаются в оборудовании, вынуждены пользоваться старьем. В системе Огиза до сегодняшнего дня не сумели наладить планирования работы издательств и типографий: как только появляется срочный заказ, начинается штурмовщина, а это приводит к понижению качества.

О волнующем всех полиграфистов вопросе говорил директор типографии «Искра революции» тов. Карпов.

— Каждое ведомство, которому принадлежит та или иная типография, по-своему решает вопросы полиграфии. Отсюда — разноголосица, разная заработная плата, погоня за кадрами, переманивание их, загрузка типографий ненужными заказами, неправильное планирование и т. д.

Зам. директора Гослитиздата тов. Слоним подчеркнул, что состояние полиграфического машиностроения внушает серьезную тревогу. Министерство машиностроения и приборостроения, выпускающее оборудование для типографий, не думает об образцах новых машин; полиграфическое машиностроение явно отстает. Плохо обстоит дело и с изготовлением шрифтов. Тов. Слоним приводит такой пример: при выпуске произведений Салтыкова-Щедрина, Мопассана и Стендаля основной набор приходилось делать вручную.

— Мне, старому мастеру, работающему в полиграфии 44 года, — заявил тов. Шехобалов,— обидно, что нашей Первой Образцовой типографии перестали в последнее время поручать особо ответственную многокрасочную печать. Мы много раз, еще до войны, доказывали свою способность выпускать высококачественные издания. Что же случилось? Разве мы разучились работать? Я прошу «Литературную газету» помочь нам добиться хорошей бумаги и отличной краски, мы можем наладить выпуск многоцветной продукции.

На совещании выступили также тт. Леонов (издательство «Искусство»), Францман (Огиз), Шуршалин (Первая Образцовая типография) и другие. Все они отмечали необходимость дальнейшей энергичной борьбы писателей и журналистов за образцовую полиграфию.

ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ

В КОЛХОЗЕ «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН»

Тов. В. И. Токарев в своем письме в «Литературную газету» сообщал о том что председатель колхоза «Красный партизан» Поныровского района, Курской области, Я. К. Детушев, окружив себя родственниками и приятелями, занимается пьянством, разворовывает колхозное имущество, с мнением членов правления не считается.

Письмо тов. Токарева редакция «Литературной газеты» послала секретарю Курского обкома партии тов. П. И. Доронину.

Из Курского обкома партии сообщают, что факты, указанные в письме тов. Токарева, подтвердились. Председатель колхоза Детушев общим собранием колхозников от работы освобожден. Вместо него избрана председателем колхоза «Красный партизан» колхозница Е. Ф. Вялих.

В Союзе советских писателей СССР

Одноактная пьеса

Совещание, посвященное одноактной пьесе, созвала на-днях комиссия по драматургии ССП.

Во вступительном слове Л. Малюгин отметил своевременность этого совещания перед конкурсом на лучшую одноактную пьесу. Интересный и важный жанр одноактной пьесы, к сожалению, не привлек внимания широкого круга драматургов и критиков.

Доклад о советской одноактной пьесе сделал А. Глебов. Он подчеркнул, что одноактная пьеса пользуется огромной популярностью у зрителей, коллективы самодеятельности проявляют к ней большой интерес. Одноактная драматургия знает немало хороших пьес Я. Апушкина, Н. Зарьяна, В. Иванова, Г. Мухтарова, К. Паустовского, Н. Погодина, Л. Сейфуллиной и др. Однако, многие авторы далеки еще от современной жизни, их пьесы очень примитивны, написаны убогим языком. Также необычайно узок круг тем, выбираемых драматургами. А. Глебов говорил о необходимости общения драматургов с коллективами, которые ставят их пьесы. Большое внимание докладчик уделил вопросу создания профессионального театра одноактной пьесы.

В. Пименов, рассказав об условиях и значении предстоящего конкурса, призвал ведущих писателей возглавить его.

Л. Ленч говорил о необходимости включения в репертуары наших театров программ, состоящих из одноактных пьес.

На совещании выступали Я. Апушкин, П. Замойский, И. Балабанова, Ф. Каманин, Н. Ключников, Б. Княжанский, С. Кржижановский, И. Левченко.

Конференция русских писателей Средней Азии

25 мая в Ташкенте открылась конференция русских писателей Средней Азии, на которую приглашены представители пяти советских республик: Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской.

Конференцию открыл председатель Союза советских писателей Узбекистана М. Айбек. Вступительное слово произнес заместитель председателя комиссии по работе с русскими писателями республик, краев и областей ССП А. Карцев.

Конференция заслушала доклады М. Шагинян о решениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и задачах русских секций в республиканских союзах советских писателей, Л. Климовича о проблемах перевода художественной литературы народов СССР По докладам развернулись прения.

В программе конференции — творческие встречи с ведущими писателями Союза, семинарские занятия, обсуждение творчества участников конференции.

«За мир, за демократию»

По решению секретариата Союза советских писателей СССР, издательство «Советский писатель» выпускает сборник «За мир, за демократию». В него войдут лучшие произведения писателей Советского Союза, рисующие все более крепнущие силы народных демократий, произведения, направленные против поджигателей новой войны.

Редакционную коллегию сборника составили: А. Софронов, А. Тарасенков, С. Щипачев, А. Жаров, А. Лацис, О. Курганов.

В несколько строк

◆ Сессия памяти В. Г. Белинского открывается 4 июня в Союзе советских писателей. Будут прочтены доклады: И. Альтмана — «Белинский — патриот», А. Лаврецкого — «Белинский и русская передовая мысль XIX века», Б. Богомолова — «Белинский и фольклор».

◆ В Калинине состоялось областное совещание молодых писателей, на котором были намечены меры по улучшению работы с начинающими авторами и обсуждены новые произведения молодых прозаиков и поэтов г. Калинина.

◆ Комиссия по работе с русскими писателями республик, краев и областей СССР заслушала отчет ответственного секретаря ставропольского отделения ССП И. Егорова о работе писательской организации Ставропольщины.

На том же заседании С. Васильев информировал комиссию о деятельности челябинского отделения ССП.

◆ Обсуждение повести «На взлете» Г. Свирского, посвященной жизни студентов Московского университета, прошло на-днях в комиссии по работе с молодыми писателями.

Автору были указаны недостатки его повести и высказано пожелание переработать ее.

Академическое издание произведений Тараса Шевченко

КИЕВ. (Наш корр.). Еще до Отечественной войны по решению правительства УССР было начато академическое издание полного собрания сочинений великого украинского поэта Тараса Шевченко. Тогда же вышли первые два тома.

На-днях в Институте украинской литературы имени Тараса Шевченко республиканской Академии наук под председательством писателя академика А. Корнейчука состоялось заседание правительственной комиссии по академическому изданию произведений Шевченко. В заседании приняли участие члены комиссии, действительные члены Академии наук УССР П. Тычина, А. Белецкий, М. Рыльский и другие.

В своем докладе директор Института литературы тов. А. Белецкий сообщил, что коллектив института полностью завершил работу над III и IV томами, содержащими русские повести и драматические произведения Тараса Шевченко. Продолжается редактирование V и последующих томов.

По предложению А. Корнейчука правительственная комиссия решила переиздать первые два тома академического издания в связи с тем, что на Украине и в других советских республиках наблюдается повышенный интерес к литературным произведениям Шевченко.

Всю работу по подготовке к изданию полного собрания сочинений Шевченко решено закончить к концу 1949 года.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01747.